

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А.К. ЮГОВА
105 лет

115
лет

1902–2017

К 115-летию
со дня рождения
Алексея Кузьмича Югова

VI ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции**

23 марта 2017 г.

**Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова**

К 115-летию со дня рождения писателя-земляка

ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ–2017

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
«Шестые Юговские чтения»
23 марта 2017 г.**

Курган, 2017

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 + 81.2Р
Ю-15

Юговские чтения–2017 : материалы межрегиональной научно-практической конференции «Шестые Юговские чтения» (Курган, 23 марта 2017 г.) / Курган. обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова ; сост. Т. А. Томяк; отв. за вып. О. А. Филимонова. – Курган, 2017. – 45 с.

Составитель:	Т. А. Томяк
Редактор:	Ю. В. Кустова
Ответственный за выпуск:	О. А. Филимонова

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции «Шестые Юговские чтения», посвященной 115-летию со дня рождения известного писателя, нашего земляка А. К. Югова, и 105-летию образования Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А. К. Югова.

© Курганская областная универсальная
научная библиотека им. А. К. Югова
2017

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Казачкова Т. В. **Забота классика о родном языке** 4

Украинцева Н. Е. **Роман-эпопея А. К. Югова «Страшный суд»: семья Шатровых на перепутье времен** 8

Корниенко М. В. **Фонд писателя А. К. Югова в Курганском областном краеведческом музее** 13

Акатьева С. А. **История становления Курганской областной библиотеки (деятельность библиотеки под руководством Ольги Федоровны Хузе)** 16

Батуев С. В. **Новые данные о роде Юговых** 21

Секция 1. ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ

Федорова В. П. **Константа дороги в сказках П. П. Бажова** 29

Постовалова О. Д. **Фольклорные образы и мотивы в сборнике В. И. Юровских «Утротворец»** 32

Жукова И. М. **Образ провинциального города в лирике зауральских поэтов** 35

Секция 2. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

Ланцевская Н. Ю. **Известные люди Зауралья как ресурс развития имиджа территории** 41

Васильева Т. В. **«Как я стал социалистом»: из воспоминаний Кузьмы Александровича Югова (написаны в 1950–1951 гг.)** 43

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Забота классика о родном языке

*Казачкова Тамара Вениаминовна,
кандидат филологических наук*

С. Довлатов в статье «Ремесло» писал: «Много говорится о том, что журналистика для писателя – занятие пагубное. Я этого не ощутил. В этих случаях участвуют различные участки головного мозга. Когда я творю для газеты, у меня изменяется почерк».

Профессионально занимаясь публицистикой, я неоднократно убеждалась в этом. Может быть, у мастера крупных эпических жанров при занятии публицистикой действительно «работает другой участок головного мозга», как и у Довлатова, но они всегда остаются крупными мастерами слова. Публицистика М. Шолохова, К. Симонова, Л. Леонова, А. Толстого периода Великой Отечественной войны и сейчас читается с интересом и служит живым свидетелем на суде истории. Писатели-классики пишут на века.

Все это можно сказать и о творчестве А. К. Югова, который часто работал как журналист, работал в жанре публицистики.

Вот перед нами две книги: «Судьбы родного языка» 1962 года издания и «Думы о русском слове» – 1975 г.

Поражает прежде всего широта интересов писателя даже в русле одной темы; мастерское владение всеми жанровыми разновидностями публицистики, ее, как говорится, тематическое разнообразие.

То он выступает как «разведчик словом» в истории (через пословицу «Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы» вычислил историческое лицо, в которое целилась пословица), то возмущается непрочтением некоторых оборотов и слов древнерусского и старославянского языка, то разбирает сложные переводы «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет», «Ипатьевской летописи» и т. д. (статья «Искры истины»). Критикует известных ученых – остро, темпераментно – за невнимание к родному слову, невзирая на лица. Спорит с составителями словарей (низко кланяясь, конечно, В. Далю). Всего не перечислить – страстный, дотошный радетель родного языка!

Остановлюсь на том, что особенно растревожило мое сердце, что особенно актуально на фоне тех издевательств над нашим языком, которое мы бессильно наблюдаем в последние годы.

Алексей Кузьмич пишет, чаще всего ориентируясь на писателей. Но все, что его беспокоило полвека назад, касается сегодня всех нас: и родителей, и учителей – всех, кто ответственен за будущее своих детей, – и Родины. Ведь сохранить язык – сохранить нацию, народ, страну. Как не вспомнить Осипа Мандельштама: «Русский язык – это сама история, и онемение двух-трех поколений может привести Россию к исторической смерти». Онемение, увы, идет полным ходом.

Задача современного «образовательного учреждения» (так сейчас называется школа!) – вырастить «грамотного потребителя». Отсюда и «плоды» сегодняшнего «просвещения»: словарный запас выпускников на уровне 4 класса; абсолютное невладение разговорной речью; неумение дать развернутый ответ; дикая безграмотность, хотя «Образовательный

стандарт» и предполагает обучить «владению устной и письменной речью, монологической контекстной речью» (какова форма?!). Игорь Волгин, поэт, литературовед, профессор, пишет: «Все чаще мои университетские (!) студенты не в силах построить даже простое нераспространенное предложение и предпочитают объясняться при помощи мычания и жестов».

Что предлагает Югов, обеспокоенный этими же проблемами? Прежде всего – обогащение письменного языка устными формами, внимание к народному языку. Уже в 60-е года во множестве появились, как он выражается, «нормировщики», точно «знающие», что там – в языке – можно, что – нельзя: выхолащивая язык, оберегая его, например, от просторечия. Дошли до того, возмущается писатель, что требуют от автора сноски к слову <...> «провинциализм, причем устаревший» – один из примеров мнимо литературной практики.

Ссылаясь на авторитет Крылова, Пушкина, Грибоедова, Горького, Маяковского (знание литературы потрясающее!), приводит примеры мастерского использования классических наречий, частиц, приставок, идиом, пословиц, суффиксов, пришедших из народной разговорной речи, которая делает и письменную речь живой, выразительной, образной: «ввек», «оземь», «суглинок», «припозднился», «запокачивался» и. т. д., и. т. д. «Народ отбирает лучшее из языка, элиту», – утверждает писатель. Нам только польза! Показывает, как блистательно используется <...> народного языка, Бажов, Пришвин. Охотно и много цитирует Твардовского, приводит массу образчиков и простонародного словаря, и морфологии, и синтаксиса, справедливо утверждает, что и «Страна Муравия», и «Василий Теркин» «почерпнуты из океана народной жизни...они народны по языку, поэтому и признаны народом».

Позволю себе и я привести довольно обширную цитату из «Василия Теркина», где мы видим не только сгусток народной фразеологии, но и всю энергию просторечного синтаксиса.

*– Вот ты вышел спозаранку,
Глянул – в пот тебя и в дрожь:
Прет немецких тыща танков!*

– Тыща танков, ну, брат, врешь!

*– А чего мне врать, дружище,
Посуди, какой расчет?*

– Ну зачем же сразу тыща?

– Хорошо! Пускай пятьсот...

*– Ну, пятьсот, скажи по чести,
Не пугай, как старых баб!*

*– Ладно, что там двести, триста –
Повстречай один хотя б!*

Мы должны упрек Югова «нормировщикам» принять на свой счет: уходят из жизни <...>, без которых наши бабушки, в меньшей степени – ма-

тери ни жить, ни мыслить, ни говорить не могли, а о нас – тем более о наших детях – и говорить нечего: не знают!

Разного рода «нормировщиков»-реформаторов с педагогического Олимпа сколько угодно и в наши дни. Предложения – одно лучше другого: исключить из школьной программы «Войну и мир», «Преступление и наказание»: дети не поймут глубину этих произведений, зато включить Пелевина или «Архипелаг Гулаг» Солженицына, не читать Некрасова и Пушкина из-за непонятных детям слов и т. д. А какова роль посредников между писателем и читателем? Наша роль родителей? Педагогов, библиотекарей?

Почитал бы Югов сегодняшних «нормировщиков», посмотрел бы, к чему привели многочисленные школьные реформы, к чему привело наплевательское отношение к народной речи и вообще, к родному языку. Живой пример – первоклассникам предложили проиллюстрировать пушкинскую строфу:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Дети изобразили летательный аппарат (кто какой!), который взрывает пушкинских «браздов», и у дороги – мужик с лопатой. Бедные дети поняли одно слово – «летит».

На этом фоне понятно, только ли к писателям обращается Югов, показывая богатство, роскошь нашего языка. Но сколько бы он ни цитировал Бажова, Пришвина, классиков XIX века, иллюстрируя свои... послы, их же, писателей, надо читать (мы-то знали, что «чтение – лучшее учение») в первую очередь родителям – еще до детского сада, приучая детей чувствовать красоту. А потом они с нашей же помощью увидят «точность, мыслемкость и вещественность» языка, как того требует Югов.

Вернусь к мысли о том, что большой писатель и в публицистике – художник слова. Посмотрите, как он пишет о глаголах русского языка: «...Самая огнедышащая, самая живая часть речи. В глаголе струится самая алая, самая свежая, артериальная кровь языка». Он восхищается некоторой «надвременностью» языка: «Он возьми и умри у меня под хлороформом». По форме повелительное наклонение, по существу – нет. «Пнет ногой во двери железные – изломал все пробки железные» – живее, ярче, чем «пнул-изломал». Восторгается междометными формами глагола: «цап-царап», «хватать» и т. д. «Он холку хватать – и в стремя ногу» («Граф Нулин» Пушкина), «Тихохонько медведя толк ногой» («Зеркало и Обезьяна» Крылова) и т. д.

Огорчается Югов и слабым знанием синонимов, справедливо считая это одной из причин «скудословия, блеклости, невыразительности» речи. «Глагол наш, если научиться управлять им, откроет неисчерпаемые россыпи», – утверждает писатель.

Вполне разделяя восторги Югова возможностями русского глагола, я не могла не вспомнить «Дьяволиаду» М. Булгакова. У него вообще очень динамичная проза, но что он вытворяет с глаголами в этой повести, – удивление и восторг! Вот уж здесь действительно налицо требование Югова к

литературе: «точность, мыслеемкость и вещественность» – все видишь, слышишь, чувствуешь.

Скромный делопроизводитель базы спичечных материалов Коротков получил зарплату спичками (прозрения Булгакова наших 90-х годов), но они, к сожалению, не зажигались: «спичка выстрелила, и два огня брызнули от нее. Первый попал в оконное стекло, а второй – в левый глаз товарища Короткова». А как Булгаков работает с синонимами! «Темный ужас охватил Короткова... временная немота поразила Короткова... сердце упало от радости... надежда обняла сердце». «Коротков простонал, взвыл, взвизгнул, зарычал, рыкнул... кинулся, пробежал, вынырнул, ворвался, вихрем сбегал, взлетел по лестнице, выбежал» и т. д, и т.д.

Югов требует: «Молодому писателю необходимо овладеть всеми видами и залогами, наклонениями и временами русского языка». От себя добавим: не только писателям! У нас, учителей, преподавателей-филологов, есть масса способов развития речи у наших подопечных. Почему бы, например, не начинать каждое занятие с подбора синонимов. В 4–6-х классах – соревнования между рядами (проверено!)

Много пишет Югов о художественности слова, о «русскости русского языка», что <...> актуально сегодня: на каждом шагу – «смешение французского с нижегородским», возвращает истинное значение многих пословиц. «Делу время, а потехе час», – то и дело слышим мы, а оказывается – эта пословица написана рукой царя Алексея Михайловича, любившего соколиную охоту! «Делу время **и** потехе час»: не осуждает потеху – ей своя пора, свой час! То же с пословицей: «Лес рубят – щепки летят», а было: «В лесу рубят, а в мир щепки летят» и много-много другие.

Пересказывать публицистику – дело пагубное, как говорит С. Довлатов: «Публицистику А. К. Югова надо читать. Мало того, что это полезно специалистам, это очень интересно, увлекательно, многое узнаешь и наслаждаешься языком автора, который не только ставит на обсуждение теоретические проблемы языка, но и демонстрирует всю красоту, находчивость, выразительность, богатство родного языка. Напрашивается аналогия с шедевром А. Т. Твардовского:

*Я мечтал о сущем чуде;
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей.
Что читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
«Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке».*

Югов-публицист пишет о сложных вещах, но «все понятно, все на русском языке».

Роман-эпопея А. К. Югова «Страшный суд»: семья Шатровых на перепутье времен

*Украинцева Нина Ефимовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Курганской государственной
сельскохозяйственной академии им. Т. С. Мальцева*

Диалогия А. К. Югова «Страшный суд» с темой революции и гражданской войны создавалась в 60-е годы XX века, когда события были удалены от новой эпохи всего на сорокалетие, живы были их очевидцы, а для истории это и вовсе не срок. Авторы литературно-критических и публицистических статей второй половины прошлого века: М. Д. Янко («Советское Зауралье», 1967; 1969), А. Овсянников («Советская Россия», 1973), В. Ильин («Молодая гвардия», 1970), В. Гришаев («В мире книг», 1971), Ф. Метлицкий («Литературная газета», 1970) и другие – много писали о романе в местной и центральной периодике, называя произведение «судом истории». Приговор «суда истории» в то время понимался однозначно. В эпоху 70-х, когда выросло поколение, не державшее в руках Библии, название понималось как суд трудящихся над их эксплуататорами. Но название диалогии А. К. Югова – не «Суд истории», а именно «Страшный суд», которым, если верить Апокалипсису, будут судимы все без исключения: и живые, и мертвые. Суровая аллегория оказалась весьма меткой.

Вдумчивый взгляд писателя на вещи позволяет говорить о неоднозначности изображаемых событий, что делает проблематику романа остро современной. А. К. Югов, по сути, ставит два основных вопроса: правомерен ли был суд революции 1917 года в России, и какую оценку даст история гражданской войне. Автор дает на них ответы в художественной форме, с помощью системы образов.

События революции и гражданской войны в Зауралье и Сибири читатель видит глазами членов семьи сибирского промышленника Арсения Тихоновича Шатрова – зауральского Саввы Морозова. Образ Шатрова не совсем обычен для советской литературы, что было замечено В. Серебровским (1987): «Крупный промышленник, начинающий осознавать историческую обреченность своего класса, он мечтает о процветании родной Сибири, о могуществе России» [2, с. 6-7]. Знакомство читателя с главным героем происходит на первых страницах романа. Идет первая мировая война. Герой формулирует свою жизненную позицию: «...Арсению Шатрову о его долге перед отечеством напоминать не надо. Все бы люди капитала так его помнили, этот долг, а не сапоги с картонными подошвами в армию поставлять. Да воровать, да спекулировать, карманы набивать на кровавом бедствии народном. <...> Да есть ли во всей округе нашей хоть одна солдатская семья из нуждающихся, чтобы Шатров ей не помог? Приюты, интернаты при школах – все моей мучкой обеспечены. А пособий сколько я повыдавал, безвозвратных? <...> А что Шатров твой делает через земство? А работа моя по заготовке продовольствия в союзе земств и городов? А личные пожертвования? Хотя бы вот последние десять тысяч – на раненых: ведь вот она, благодарственная телеграмма от главноуполномоченного земств и

городов, от князя Львова» [4, с. 12]. Мужественная красота не только речи, но и внешности Арсения Шатрова напоминает образ былинного богатыря: «статный, с могучим разворотом плеч, с гордой осанкой, а оклад лица долгий, строгий», «округлая шапка крупных темно-русых кудрей над выпуклым крутым лбом» [4, с. 10-11]. Явно просматривается стремление автора эпопеи показать, что такие люди являлись опорой государства, его заступниками и рачителями, и читателю горько сознавать, что им не уйти от Страшного суда надвигающейся эпохи революции, когда в стране переменится государственное устройство и все нормы и принципы общественной жизни. А. К. Югов детально изображает быт семьи Шатровых и быт простого народа накануне революции. Разговоры крестьян, приехавших на шатровскую мельницу, чтение вслух невеселых писем с фронта, описание избы, в которой живут работники Шатрова, и другое. Эту избу с отвращением рассматривает старший сын – студент-медик Никита Шатров. Изба довольно просторна, и в русской печи готовится сытный обед, но «...до чего же скудны, убоги, грязны показались Никите кучи и навалы всевозможного тряпья, на которых, очевидно, спали и которыми укрывались обитатели этой хоромины!», «рукотерт» возле умывальника (*полотенце для рук, обл. – Н. У.*) был один на всех; «подушек было всего две», с лоснящимися «от давнего спанья без стирки» наволочками, и один из работников спал, «подложив под голову кусок старого войлока поверх сложенных вместе голенищами сапог» [4, с. 42]. В ответ на возмущение сына бескультурьем и антисанитарией Арсений Тихонович говорит, что его работники живут хорошо, а вот на заводе Башкина «одна семья от другой, холостые от семейных одной ситцевой занавеской отгорожены» [4, с. 44]. «Сцены в доме Шатровых выписаны сочно, со вкусом, с неспешным вниманием к подробностям быта и психологии» [3, с. 7]. Устами посетителей гостиной Шатровых рисуется самодержавная власть России, общественно-политическая картина времени, образы исторических деятелей эпохи, зловещий образ Григория Распутина, положение на фронтах, из чего становится ясно, что стране не избежать крутых перемен. Чтобы сохранить свою государственность, держаться наравне с индустриальной образованной Европой, нужна твердая власть, которая обеспечит коренное обновление жизни трудящихся, чего не смогут сделать в одиночку никакие Шатровы с их благотворительностью.

Роман А. К. Югова подводит нас к мысли о том, что для России в свое время переход к эпохе социализма был витально необходим. Размышляя о судьбах Родины, наш современник понимает, например, что с 1917-го до 22 июня 1941-го оставалось всего 24 года, и вряд ли за такое короткое время зашедшая в тупик Россия с ее эволюционной неспешной поступью успела бы подготовиться к войне с фашизмом. (Другое дело, что в конце XX века, сослужив службу, формация устарела, и не позволяла стране вписываться в мировую экономику). В романе показано влияние революционного движения на взгляды Арсения Шатрова. А. К. Югов рисует образ профессионального революционера Матвея Кедрова, прототипом которого послужил волостной писарь М. И. Быстров (Соколов), в 1906 г. действительно «направленный Челябинской организацией РСДРП для пропаганды и агитации среди крестьян» [1, с. 3], часто бывавший в доме Юговых в слободе Каминской (ныне Куртамышского района Курганской области, родные места писателя). Известна статья М. И. Быстрова под названием «Челябинский уезд» в газете «Пролетарий» (1908) о наказе каминцев депутатам 2-й Государственной

Думы. Образ Матвея Кедрова дается в соответствии с требованиями метода соцреализма в литературе, но, по справедливому замечанию М. Д. Янко, «внутренний мир Кедрова не раскрывается перед читателем» [5, с. 4], и герой своей образованностью, конспиративностью, организованностью, самоотверженностью напоминает нам знаменитого Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Заметим, что образы представителей новой власти в романе также сухи и схематичны; их деяния, новые законы, несомненно, должны принести пользу простому народу, но все перемены видятся и оцениваются в произведении с позиций старого мира, настороженно. Символичен образ священника отца Ивана, который в знак протеста против реформы церкви укладывается спать в храме, в гробу. Кедров берет под защиту отца Ивана, но мы знаем, какая участь ожидает священнослужителей с приходом эры освобождения от религии. В 60–70-х годах прошлого столетия этот вопрос открыто старались не обсуждать, поэтому постановка его в романе говорит о гражданском мужестве писателя.

В финале романа Арсений Шатров, отказавшийся в пользу новой власти от своих капиталов, готов ей служить, налаживая торгово-промышленные связи с зарубежьем. Подчеркивая, что Арсений Тихонович – человек государственный, по-прежнему болеющий за Россию, автор ведет его в Кремль, к В. И. Ленину (опять же не без помощи Кедрова).

«Композиция романа отражает движение самой жизни» [5, с. 4], и в книге второй А. К. Югов со всей прямотой показывает, что если революция была делом рук большевиков, то развязывание и организация гражданской войны, интервенции – на совести белых. В Зауралье, как известно, это тяжелое время колчаковщины и вторжения интервентов «проломным сквозным тараном чехословацкого корпуса» [4, с. 547]. Именно эти кровавые события подтолкнули многих сомневающихся встать на сторону Советов. Писатель снова обращается к семье Шатровых. Какими дорогами пойдут Шатровы в гражданской войне?

Трое сыновей Арсения Тихоновича – как три витязя на распутье. Трагической фигурой выглядит Сергей, гимназист. Заносчивый молодой человек, отца и старшего брата побаивается, а боготворит, как это бывает в юности, старшего друга, прапорщика Александра Гуреева, играющего роль наставника. Мечта Сергея о юнкерском училище не осуществилась, однако, порвав с отцом, он начал военную карьеру нижним чином в русско-чешском офицерском партизанском отряде и получил награду за участие в боях с красными. С восторгом он относится к одному из командиров отряда, кадровому офицеру, капитану Гарпиеву. Образ Гарпиева – один из самых удачных образов романа. В боевой походной жизни капитан всегда подтянут и опрятен, он «слуга царю, отец солдатам», расстреливает за мародерство и насилие, поощряет за храбрость и сам в бою проявляет хладнокровие, расчет и ненависть к врагу. Он думает о благе для России, чему учила Сергея семья Шатровых, в которой он воспитывался. Достоин повел себя Гарпиев по отношению к Сергею, когда юношу за сочувствие красным пленным сажают под арест. По сути, капитан спасает его, поручив сопровождать в госпиталь раненого чешского офицера Иржи Прохазку. Провожая Сергея, Гарпиев по-отечески беседует с ним о его промахе, убежденно говоря о том, что все беды России – от развала армии, в которой большевики «подрубили воинскую дисциплину» [4, с. 596]. Но тут же жестоко поучает: дисциплина отряда диктует уничтожение большевиков, кем бы они ни были,

включая «родную мать». Тем не менее, расстрел оказавшихся в стане красных Кости Ермакова и Верочки Сычевой, которых хорошо знали и любили в семье Шатровых, заставляет Сергея чувствовать себя предателем. И вряд ли он сможет поднять руку на мать или отца. В эпилоге романа Сергея ждет крушение всех его идеалов: разгром и отступление белых, предложение его лучшего друга Гуреева перебраться к красным. Двумя выстрелами из пистолета Шатров честно подводит последнюю черту под короткой жизнью своего друга и себя.

Образ старшего из сыновей – Никиты Шатрова – несколько идеализирован. Он самостоятелен и серьезен, он хороший трудолюбивый врач и человек принципиальный. Никита не принимает в окружающих равнодушия к людям, из-за чего может вступить в спор с отцом; он чаще других находится рядом с матерью. Не принимает и озлобленности отступающего белого лагеря. Искреннее чувство Никиты к будущей жене Раисе вылечивает ее недуг, и новелла о их пасторальном счастье – как описание райского острова посреди беспощадного океана гражданской войны. Врач Шатров помогает раненым, на чьей бы стороне они не воевали, борется с тифом. Войну он заканчивает в стане Тухачевского – возможно, эта деталь есть грустное раздумье автора о дальнейшей судьбе старшего сына Шатровых.

Володя Шатров – младший в семье, но отнюдь не избалованный ребенок – ближе всех к отцу, к родному дому. Всем сердцем болеет он за победы русской армии на фронтах первой мировой, переставляя флажки на карте. С другой стороны, показана его детская привязанность к пленному чеху Иржи Прохазке, ставшему его учителем музыки. Володя подружился с работниками на мельнице Шатровых, плотинщик Костя Ермаков разъясняет ему цели большевиков, и подросток помогает прятать спасающихся от облавы коммунистов. Был ли готов Шатров-младший отвернуться от дружбы Иржи, который после переворота белочехов в городке на Тоболе явился грозным начальником их гарнизона, – об этом автор не упоминает и не ставит своего героя перед этим выбором. Но мы понимаем, что Володя не способен предавать. А вот Иржи предвидит, чем грозят Володе в дальнейшем их бывшие уроки музыки.

Образ Ольги Александровны Шатровой, жены и матери, невидимой нитью связывает всех героев произведения, и читатель постоянно ждет встречи с нею: в доме Шатровых, в госпитале для раненых, открытом по ее инициативе и опекаемом ею, в заботах о детях. Гармония ума, русской красоты и чистоты – внешней и внутренней – делает ее не просто привлекательной для окружающих: от общения с нею люди сами становятся чище, ее радением выздоравливают больные. Но мир на переломе жизненных устоев требует от Ольги Александровны невозможного напряжения нравственных и физических сил. Кроме того, тяжелым камнем ложится на сердце измена мужа, простить которого она смогла бы, но получится ли вернуть прежнее доверие и искренние чувства к нему? Она никому не жалуется, ни с кем не обсуждает поступок мужа, в ожидании его раскаяния одна несет свою неизбывную боль, и внешне спокоен взгляд ее больших серых глаз. Автор оставляет за кадром размышления Ольги Александровны о судьбе семьи при новой власти, но мы понимаем, что она не может не думать об этом. И как отнесется Советская власть к тому, что в госпитале Шатрова выхаживала раненого белочеха Иржи Прохазку? Перемену политических взглядов Иржи, в чем он открывается Ольге Александровне, критики назы-

вали шагом к интернационализму: «Боевые награды мои будут жечь мне грудь: я получил их за то, что убивал русских братьев». Однако о всепобеждающей, вспыхнувшей не вовремя любви этих героев (а выбирает ли любовь время?), никто из критиков не решался заговорить. В своем письме Иржи умоляет Ольгу Александровну оставить мужа, стать его женой и, спасая от гибели себя и младшего сына, уехать в Чехословакию. Но она не может отказаться от горькой чаши бытия, которую предстоит испить всем Шатровым. Ольга Александровна уходит из жизни не из малодушия (малодушием ей представляется как раз эмиграция), этим волевым усилием она остается чистой перед судом семьи и Родины, а значит, перед самым высшим судом, о котором после ее смерти дважды упоминается на страницах романа. Сначала в причитаниях старушки-домоправительницы Шатровых: «Да нет, видно, не нашими людскими руками разбудить тебя, наша касаточка! Никто тебя не разбудит до Страшного суда архангеловой трубы!» [4, с. 732], затем – в словах автора. Образ Шатровой – продолжение плеяды цельных женских характеров в нашей литературе, начиная с Татьяны Лариной.

Большевики, представители трудового народа, «поручики Голицыны и корнеты Оболенские», и все остальные – будучи живыми или мертвыми, не ушли от суда поколений. И образы семьи Шатровых волнуют сердца читателей. Эти героини романа идут разными путями, но в самую ответственную минуту жизни, в минуту тяжких испытаний не подличают, не предают родных и близких, не продаются, не презирают свой народ.

По Югову, какими бы ни были времена, звание человека заслуживает тот, у кого в глубине души живет свой неподкупный суд.

Литература:

1. Кочегин П. Каминка: Писателю-земляку А. К. Югову – 80 лет // За изобилие (г. Куртамыш). – 1982. – 25 марта.
2. Серебровский В. Своеобычный талант // Страшный суд. Эпопея в двух романах. – М.: Современник, 1987. – С. 5–8.
3. Синельников М. Так это было в Сибири // Литературная Россия. – 1970. – 16 окт.
4. Страшный суд. Эпопея в двух романах. – М.: Современник, 1987. – 752 с.
5. Янко М. Д. Суд истории и народа // Советское Зауралье. – 1969. – 22 июля.

Фонд писателя А. К. Югова в Курганском областном краеведческом музее

*Корниенко Марина Валерьевна,
ведущий сотрудник Курганского
областного краеведческого музея*

Курганский областной краеведческий музей бережно хранит память о нашем знаменитом земляке – писателе Алексее Кузьмиче Югове. Мы благодарны родственникам Алексея Кузьмича за то, что они решили передать значимые документы и личные вещи писателя в наш музей. Часть предметов из фонда писателя входит в постоянную экспозицию музея, другая часть востребована на выставках, мероприятиях, днях подлинника. В музее открываются выставки к юбилейным датам писателя.

Большая часть материалов Алексея Кузьмича Югова поступила в Курганский областной краеведческий музей в 1979–80-е гг. после смерти писателя. Документы, книги, мебель, предметы быта были переданы его зятем – Серебровским Владимиром Павловичем, секретарем комиссии по литературному наследию Алексея Югова.

Но одна книга, «Думы о русском слове», была подарена нашему музею лично Алексеем Кузьмичом во время пребывания на родине в 1975 году. На форзаце – дарственная надпись: «Курганскому областному музею краеведения с чувством безмерного восхищения, – на память от (думаю, не ошибусь) старейшего сына Курганской родной земли». В тот год Алексей Кузьмич и Ольга Ивановна посетили Курган, родину писателя – Куртамышский район (на память об этом П. З. Кочегин сделал фотоснимок на месте, где стояла мельница Юговых), Шадринский район; встречались с известными людьми Зауралья, студентами.

Музейный фонд писателя отражает жизнь и деятельность Югова с 1916 по 1979 гг. В документальном фонде хранится 138 единиц. Это – книги, рукописи, машинописные листы статей, афиши, журналы с публикациями писателя или о нем, письма, пригласительные билеты, фотографии. Остальные 60 предметов – мебель, музыкальные инструменты, одежда, предметы быта и т. д. – включены в другие музейные коллекции.

Основная масса материалов – это подлинники; часть фотографий и документов – копийные, но также представляют большой интерес:

1. Семейный фотопортрет родителей писателя – Кузьмы Александровича и Антонины Григорьевны – датируется началом XX века.
2. А. К. Югов, учащийся Курганской гимназии. 1916 год.
3. А. К. Югов. Новосибирск. 1928 г.
4. Врач А. К. Югов со своим медперсоналом. Южно-Енисейская тайга. 1927–1929 гг.

В 1927–1930 гг. А. К. Югов работает врачом в Сибири, а в 1929 году он становится разъездным врачом Южно-Енисейского горно-промышленного района. Этот период его жизни представлен в нашем фонде следующими предметами:

1. Чемоданчик разъездного врача 1920-х годов (находится в постоянной экспозиции нашего музея).
2. Весы аптечные. 1920-е гг.
3. Игла Франка. 1920-е гг.
4. Фонендоскоп. 1930-е гг.

Даже после того, как Алексей Кузьмич уезжает в Москву и посвящает себя литературной деятельности, он не прекращает врачебную практику. В документальном фонде музея хранятся:

1. Военный билет № 01693 серии «Г» на имя А. К. Югова, военврача III ранга запаса РККА 1939 г.
2. Набор гирь-разновесов. 1950-е гг.
3. Рецепт, выписанный А. К. Юговым 26 декабря 1966 г.

Основная масса материалов документального фонда представляют Алексея Кузьмича Югова как писателя, журналиста, литературоведа. Среди подлинных материалов наибольший интерес представляют рукописи писателя. В музее хранятся:

1. Рукописные листы романа А. К. Югова «Светоносцы» 1944-46-х гг. с посвящением жене О. И. Юговой.
2. Пригласительный билет от Псковского Горкома ВКП(б) на встречу с писателем А. Юговым, автором перевода «Слова о полку Игореве» в актовом зале Дома Советов. 1946 г.
3. Временная карточка № 403 Югова А. К., члена клуба писателей, с отметкой об уплате членских взносов. 1947 г.
4. Членский билет профсоюзов работников печати № 003278 Югова А. К. выдан группомом детиздата с фотографией писателя и отметкой о болезни с 1939 по 1950 гг.
5. Интересны две записные книжки писателя 1950-х гг. Маленькие карандаши привязаны ниткой к блокнотам, чтобы в любой момент записать фразу, которая может вскоре стать строкой в его произведении. Есть записи на латыни – рецепты врача А. К. Югова. Есть такая интересная запись: «После фильма: – Деньги заплатила, да еще и наплакалась, дура».
6. Пожелтевшая от времени афиша литературного вечера писателя А. Югова в читальном зале филиала Государственной публичной библиотеки 1955 года сейчас представлена на выставке, посвященной юбилею Алексея Кузьмича.
7. В 1950 году страна начала строить Куйбышевскую ГЭС. А. К. Югов уезжает на стройку специальным корреспондентом от газеты «Известия» и получает временный пропуск на все объекты строительства КГЭС левого берега с 18 по 28 мая 1955 г.
8. В 1959 году Алексей Кузьмич принимает участие в Третьем съезде писателей в Москве, о чем говорит памятная книжка делегата съезда. Через 15 лет, в 1974 году писателю вручили памятную медаль «40 лет Первому съезду писателей».
9. С 1961 по 1969 год А. К. Югов работает над романом «Страшный суд». Часть рукописи романа «Страшный суд» на 40 л. и лист из журнала мод

с прототипом Киры Кошанской представлены на нашей выставке в музее.

10. Много книг писателя, журналы с его статьями из личной библиотеки представлены в постоянной экспозиции нашего музея в витрине «Литературное Зауралье». Здесь же можно увидеть настольный блокнот, подаренный Югову его другом – академиком Петром Дмитриевичем Горизонтовым, с которым они учились в Курганской мужской гимназии и вместе издавали рукописный журнал «Весна».
11. В документальном фонде хранится опись вещей А. К. Югова, отправленных в Курган, составленная зятем писателя – Серебровским Владимиром Павловичем – 10 августа 1981 года. В ней перечисляются предметы мебели, техника, книги по принадлежности их к помещению: кабинет А. К. Югова (для музея в Каминке) и столовая-гостиная А.К. Югова (для музея в Кургане). Также прилагаются фотографии, представляющие кабинет писателя в Переделкино. По нынешним меркам, мебель, служившая писателю, была более чем скромная. Из письма Серебровского В. П. сотрудникам музея мы узнаем, что изготовлена она была по личному заказу Алексея Кузьмича столяром из Переделкино.
12. Письменный стол А. К. Югова представляет собой обыкновенную школьную парту. Доска наклонная. Для регулировки наклона подставлялись так называемые «калабашки». Стол обязательно покрывался белой скатертью. Сейчас стол требует реставрации, и показать мы его пока не можем. На доске под скатертью гвоздем прибивался клин, благодаря которому крепилась настольная лампа с гибким «хребтом». Такого же устройства лампа была и на московской квартире. «О таком письменном столе мечтал Савельев в романе «Бессмертие» (двухтомник Югова «Бессмертие», том I, стр. 469, последний абзац)». Это примечание было сделано В. Серебровским.
13. Круглая этажерка – «Вертушка». Верхние 4 гнезда – для четырех томов словаря Даля. В четырех нижних гнездах книги менялись в зависимости от того, над чем работал писатель. На полочках между гнездами лежали цветные карандаши, скрепки, комнатный термометр с изображением памятника Маяковскому, электрофонарь (писатель очень любил фонари, имел их в изобилии), набор магнитов, а также книжки небольшого размера. В нашем музее хранится кресло, на котором сидел Алексей Кузьмич.
14. На стене кабинета висел плакат «800 лет Москве».
15. Пианино «Оффенбахер» к. XIX – нач. XX века, было куплено Юговыми в Москве в 1950-х гг. Пианино, как и стол писателя, требует реставрации.
16. Телевизор Т-2 «Ленинград». Подарен Юговым Серебровскими Т. А. и В. П. в середине 50-х годов. Со временем приобрели линзу, наполняемую водой. «Алексей Кузьмич телевизором не увлекался, но любимые передачи смотрел с удовольствием, – концерты таких певцов, как Максим Дормидонтович Михайлов, Иван Семенович Козловский, Надежда Андреевна Обухова. Называл телевизор по-русски «музыкальным ящиком»» (из письма Серебровского В. П.). Сейчас этот телевизор размещен в экспозиции Областного краеведческого музея в интерьере 50-х гг.
17. Радиоприемник «Москвич» 50-х гг. Подарок сватьи Марии Никитичны Серебровской. Со слов Серебровского В. П.: «До сих пор исправно работает. По нему Юговы слушали регулярно последние известия. Вместо

антенны вставляли кусок проволоки». Сейчас радиоприемник представлен на нашей выставке, посвященной юбилею писателя.

18. Портрет писателя, написанный акварелью, авторства Веры Васильевны Варт-Патриковой в 1971 году. На обороте рукой Алексея Кузьмича надпись: «Портрет изумительный и по сходству, и по глубокому проникновению в самую суть писательского творчества! Алексей Югов. 28.VI. 71 г. Переделкино». Также в музее хранится рубашка писателя, в которой он изображен на портрете.

На выставке в музее вы можете увидеть и вязаную шапку нашего знаменитого земляка, и его диванную подушку, вышитую крестом; бинокль 40-х гг., письменный прибор, небольшую стеклянную призму, которая чем-то была ему дорога, и много других вещей, принадлежавших писателю Алексею Кузьмичу Югову.

История становления Курганской областной библиотеки (деятельность библиотеки под руководством Ольги Федоровны Хузе)

*Акатьева Светлана Анатольевна,
заместитель директора (начальник отдела
использования документов и информационно-
поисковых систем) Государственного архива
общественно-политической документации
Курганской области*

Курганская областная библиотека была основана на базе Централизованной городской библиотеки в июле 1943 г. Ее первым директором стала Ольга Федоровна Хузе.

В Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области отложилось на хранение личное дело О. Ф. Хузе. Для нас, безусловно, ценными являются документы, написанные ею собственноручно. Из них мы узнаем, что родилась Ольга Федоровна в Старом Петергофе Ленинградской области в семье железнодорожного служащего. Училась в школе г. Ленинграда. Высшее образование получила в Ленинградском государственном институте истории искусств по специальности «литературоведа и редакционного работника». Трудовую деятельность начала библиотекарем в Петроградской районной библиотеке, вскоре была назначена ее заведующей. Библиотечную работу совмещала с работой районного инспектора по школьным и детским библиотекам Ленинграда. Кроме того, трудилась методистом Кабинета детского библиотекаря Ленинградского горОНО и преподавала в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. С 1939 г. начала заниматься с учителями русского языка и литературы в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей. Она читала лекции по литературе и вопросам руководства детским чтением.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. застала ее в Ленинграде. Тяжелейшей болью в ее памяти навсегда остались воспоминания о страшном блокадном периоде.

В апреле 1942 г. О. Ф. Хузе с сестрой была эвакуирована в г. Курган. Маленький зауральский городок на долгие годы стал для Ольги Федоровны

родным. Она и здесь продолжила дело своей жизни. Почти год отработала в Курганской детской библиотеке. Совсем немного проработала школьным инспектором в Курганском облОНО. А затем была назначена директором – первым директором – Курганской областной библиотеки.

Библиотеке повезло с первым руководителем! Ольга Федоровна приняла на свои плечи тяжелую ношу по организации и становлению библиотечного научно-методического центра, проявив себя мудрым наставником, настоящим профессионалом.

Сохранилась записка, по-видимому, инструктора Курганского обкома партии, которую он написал в ходе беседы с Ольгой Федоровной вскоре после ее назначения: «...Занимаюсь больше хозяйством, чем библиотекой. Нет методиста. ...Много книг, но нет помещений. Библиотекари не включены ни в какое питание. 250 рублей – ставка. ...Нужны курсы районных библиотекарей, сельских библиотекарей. ...Живу в библиотеке, сплю на стульях, один чемодан...».

Итак, Курганская областная библиотека была создана.

Первыми структурными подразделениями библиотеки являлись абонемент, читальный зал и отдел комплектования и обработки. В 1944 г. был организован методический кабинет. В 1947 г. книгохранилище возведено в разряд самостоятельного отдела. В 1949 г. появляются междубиблиотечный и заочный абонементы, библиографический отдел и отдел спецхранения.

Согласно архивным документам, Курганский обком партии неоднократно в 1940–1950-е гг. озвучивал острые проблемы с кадрами, особенно руководящими. Но надо отметить, что библиотечные кадры всегда находились на высоте. Штатное расписание облбиблиотеки в количестве 14 библиотечных единиц и 6 единиц административно-технического персонала было утверждено в 1944 г. и оставалось неизменным первое десятилетие работы. На 1949 г. профессиональный кадровый состав по образованию выглядел следующим образом: 7 чел. с высшим образованием, из них 5 – с высшим библиотечным, 1 – учился на 3 курсе заочного отделения Московского библиотечного института, 4 чел. – со средним образованием, стаж библиотечной работы которых составлял от 10 до 25 лет. Директор библиотеки собрала в свое учреждение сильный профессиональный и опытный состав.

В течение ряда лет основной проблемой главного книгохранилища вновь образованной области была нехватка помещений под книжный фонд. Действительно, молодой областной центр не имел возможности решить многочисленные задачи по размещению всех учреждений, в том числе эвакуированных. Библиотекари постоянно жаловались на то, что книги и периодические издания хранятся ненадлежащим образом – в штабелях и пачках. 50% книг и журналов были законсервированы, читателям не выдавались. Кроме того, частично книжный фонд областной библиотеки хранился на складах в г. Шадринске. Причем после проверки в 1947 г. оказалось, что там находятся издания, которые до войны предполагалось вывезти в г. Челябинск и среди них имеются ценные экземпляры, изданные в XIX в.

Ежегодно при подведении итогов работы библиотек в Курганский обком партии поступали информации о нехватке помещений для книжных фондов. Одна из них за 1945 гласит: «Не имеет до сих пор нужных условий

для работы областная библиотека. Всего 536 кв. метров помещения минимальнопотребных для библиотеки. Она имеет только 220 кв. метров, в результате чего 40 тыс. томов книг не используются».

Помещение было выделено по решению Курганского облисполкома лишь в 1947 г. по ул. Куйбышева, 43 (в этом здании сейчас размещается Курганская областная детская библиотека). Строение в три этажа приходилось совмещать со складами Курганского облОНО, которые находились в подвальном помещении. Лишь в 1950 г. библиотекари порадовались – они стали хозяевами, но этих площадей уже не хватало под богатые книжные фонды и читальный зал.

Но трудности – трудностями, а работа есть работа.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. курганские библиотекари главной задачей считали ни в коем случае не нарушать четкий рабочий ритм. Обеспечение сохранности книжного фонда, комплектование библиотеки, создание условий для выдачи книг читателям абонементов, организация деятельности читального зала и множество других больших и малых задач приходилось решать специалистам.

Кроме того, трудящиеся Кургана считали важным организацию помощи эвакогоспиталю. Работники библиотек проводили систематический опрос бойцов и офицеров, находящихся на лечении, о литературе, которую они желают читать. На директора библиотеки была возложена персональная ответственность «ту литературу, которой не окажется в библиотеке госпиталя, давать во временное пользование из книжного фонда облбиблиотеки». Тут же приписывалось: «...В случае несвоевременного возвращения книг в библиотеку или потери их, облбиблиотека на первый раз делает зам. начальника госпиталя по политчасти предупреждение, а при повторении подобных случаев имеет право прекратить выдачу книг». Надо отметить, что лечащиеся читатели строго выполняли все правила.

Обязательными для выполнения были и другие задачи военного времени. Работники курганских и шадринских библиотек, так же, как и все остальное трудоспособное городское население, подлежали обязательной трудовой мобилизации в сельскую местность. Так, например, в сентябре 1943 г. на уборку урожая хлебов, овощей и картофеля из г. Кургана было направлено 2000 чел., каждый должен был выработать не менее 20 трудовых дней. И никто из них от своих обязанностей по основному месту работы не освобождался. Кроме трудовой мобилизации по уборке урожая, библиотекари выезжали в сельскую местность и в целях своей непосредственной работы. Они организовывали и проводили лекции, тематические передвижные выставки, «громкие чтения».

По инициативе областной библиотеки среди населения г. Кургана проводился сбор книг для освобожденных от фашизма населенных пунктов. Так, в декабре 1943 г. книги были собраны для библиотеки г. Кропоткина Краснодарского края.

Серьезной проблемой военных лет называют сохранение и восстановление книжного фонда. В 1944 г. за читателями библиотек области осталось 16674 экз. невозвращенных книг. Некоторые читатели на замечания работника библиотеки отвечали: «Можете ко мне не приставать, книги все равно не сдам». Также имелась большая утеря книг по ветхости. Таким образом, за 1944 г. из библиотек области списано по причинам утери и ветхости 42552 книги.

Тем не менее, книжный фонд Курганской областной библиотеки ежегодно увеличивался. Ольга Федоровна добилась в 1944 г. поступления в библиотеку обязательных экземпляров вновь вышедших книг из Всесоюзной Книжной Палаты. Кроме того, книги поступали из Московского и Ленинградского отделений государственного фонда, областного библиотечного коллектора. В 1946 г. поступили 1082 букинистические книги из Ленинграда, а 101 книга была подарена читателями. Так, на 1 января 1949 г. книжный фонд областной библиотеки возрос по сравнению с 1943 г. в 2,7 раза, а на 1 января 1951 г. составил 283757 экз.

Обслуживание населения города и области – это приоритетное направление деятельности областной библиотеки. Большую помощь в улучшении обслуживания книгой сельского населения оказывал междубиблиотечный и заочный абонементы областной библиотеки. Так, в первый год обслуживания иногородним читателям было направлено 1924 книги, в 1950 г. – 3100. Читателями заочного абонемента состояли граждане, проживающие в населенных пунктах, где не было поблизости библиотек. Среди них – учителя, студенты-заочники, медицинские работники, труженики колхозов и совхозов, служащие. Многие книги, направляемые читателям-заочникам, перепечатывались библиотекарями на пишущих машинках.

Отзывы читателей красноречиво говорят о значении возможности прочитать необходимую книгу.

Председатель Малышевского сельсовета Мехонского района писал: «Я очень доволен работой междубиблиотечного абонемента. Книги, получаемые от вас, очень мне помогают в подготовке к поступлению в заочный техникум связи».

Учитель Лихачевской школы Варгашинского района заметил: «Я учитель русского языка и литературного чтения в 5–7 классах. Не имея соответствующего образования, я учусь в Шадринском учительском институте заочно. ...Я пользуюсь из областной библиотеки книгами в течение двух лет. За это время я, благодаря помощи областной библиотеки, подготовил и сдал экзамены по истории русского языка, современному русскому языку, литературе XVIII в. и другим дисциплинам. Книги я всегда получаю своевременно и без задержки».

Из колхоза «Коммунар» Чашинского района рассказали о своих отношениях с областной библиотекой: «...Полученные книги интересные и на ту тему, на которую мы просим прислать. Повесть Симонова «Дни и ночи» нам очень понравилась, всю прочитали с большим интересом. ...Мы очень заинтересовались книгами и просим не прерывать с нами связь».

Также Курганская областная библиотека участвовала в межобластном библиотечном проекте. Уже в 1946 г. через областную библиотеку можно было получить книги из Новосибирской и Свердловской библиотек. Библиотекари отметили наиболее интересные заявки того года: книги о конструировании электропечей для инженера Л. завода «Уралсельмаш», по коллоидной химии – для преподавателей Г. и К. из Курганского сельхозинститута, по истории международных отношений XIX в. – для лектора Курганского областного лекционного бюро.

Наряду с ежегодным расширением библиотечного обслуживания читателей области, Курганская областная библиотека, как крупнейшая в регионе, ежегодно повышала качество обслуживания книгой и населения г. Кургана. Так, число читателей абонемента в 1943 г. составило 2324 чел., в

1947 г. – 2654 чел., в 1950 г. – 3265 чел. При этом увеличивалась и выдача книг: в 1943 г. было выдано 39459 книг, в 1947 г. – 69742 книги, в 1950 г. – 100340 книг.

Ежегодно расширялось обслуживание в читальном зале библиотеки. С 1943 г. в читальном зале было 20 рабочих мест. По данным 1945 г. в читальном зале значилось 1167 читателей, которые совершили 37895 посещений. Средняя дневная посещаемость составила более 100 человек. В новой библиотеке в 1948 году уже 100-местный читальный зал не вмещал всех желающих. В вечерние часы работы приходилось отказывать читателям в посещениях.

Значимым направлением деятельности Курганской областной библиотеки со времени ее образования становится оказание практической и методической помощи городским, районным, сельским, детским библиотекам и их работникам. Помощь осуществлялась путем систематических выездов на места, составления и издания методических и библиографических пособий, проведения семинаров и практикумов. Методический кабинет библиотеки только за 1949–1950 гг. провел выезды в 95 библиотек области.

Кроме того, согласно ежегодным планам мероприятий по улучшению работы культурно-просветительных учреждений Курганской области методическая работа закреплялась за Курганской областной библиотекой, ответственной назначалась ее директор О. Ф. Хузе. Так, например, в 1947 г. на Ольгу Федоровну возлагалось «дать письменный разбор годовых отчетов и годовых планов работы по каждой районной библиотеке». Также в обязательном порядке рекомендовалось провести кустовые методические совещания для оказания помощи в работе районных и сельских библиотеках Юргамышского, Звериноголовского районов и в г. Шадринске. Необходимо было разработать и направить во все библиотеки области методическое письмо и рекомендательные списки литературы на темы «Агротехника высоких урожаев», «Биографии вождей партии и правительства», «Жизнь и деятельность В. И. Ленина и И. В. Сталина» и указатель литературы для проведения «громких чток» на тему «Тридцать лет Великой Октябрьской Социалистической революции».

Интересной и значимой деятельностью Курганской областной библиотеки являлась организация годичного ученичества по подготовке библиотекарей для районных библиотек. Первые «выпускники», обучившиеся на таких курсах, работали в Шадринской городской, Катайской, Далматовской, Глядянкой и Лебяжьеvской районных библиотеках.

В первое десятилетие деятельности Курганская областная библиотека, благодаря своему руководителю Ольге Федоровне Хузе, стала настоящим научно-методическим центром. Коллектив, влюбленный в свое дело, с блеском справлялся со всеми поставленными задачами.

Еще в 1950 г., при подведении итогов работы библиотек Курганской области, были определены проблемы, которые рекомендовалось решить срочным образом. Это – нехватка помещений, обеспечивающих нормальное обслуживание трудящихся книгами через абонемент и читальный зал. Отмечалось также малое количество детских библиотек. Указывалось, что местная промышленность не занимается плановым изготовлением библиотечного оборудования и мебели – в библиотеках был острый недостаток стеллажей, столов, стульев, книжных витрин. Надеемся, что к будущему 75-летнему юбилею Курганской областной библиотеки, который отмечается в

следующем году, все мечты осуществляются, и специалисты библиотеки будут заниматься решением только своих профессиональных вопросов.

Новые данные о роде Юговых

*Батуев Станислав Владимирович,
директор МКУК «Музей им. Н. Д. Томина»*

Прошло пять лет, а неточности и ошибки в биографии нашего знаменитого земляка продолжают блуждать по Интернету, в книгах и сознании ныне живущих людей.

Генеалогические исследования рода Юговых я начал шесть лет назад. За это время дополнительно выявлены новые источники в архивах Шадринска и Кургана, что позволило значительно углубить и уточнить сведения о роде Юговых.

Начиналась история рода в то время, когда в начале XVIII века были построены Юговские (Верхний и Нижний) казенные медеплавильные заводы, имевшие вместе с другими общее название «Пермские».

Среди проживавших в это время на реке Юг государственных крестьян были и Юговы, фамилия которых была образована от гидронима (названия реки) Юг.

Поколенные росписи рода Юговых

1. Поколение

Лаврентий

Род. около 1760 г.

Ум. до 1846 г.

Жена:

Дети: Андрей

Лаврентий Югов. Государственный крестьянин Пермского горного округа. Бежал с Юговского завода с семьей, вероятно, в д. Юрикову; после пожара, бывшего в ней, переселился за 7 верст во вновь заводимую д. Галкину Шадринского уезда Пермской губернии. По семейным преданиям, Лаврентий был крупного роста и богатырского сложения. Хороший охотник: «Ходил и бил медведей из своего лука стрелами и ловил рогатиной. Тетивы этого лука никто не мог натянуть, она была собрана из жил какого-то животного и натянута на рога неизвестного зверя, вероятно, из породы оленей», – писал о нем в своих воспоминаниях Кузьма Александрович Югов в 1949 г. Лаврентий был женат. От брака известен сын Андрей 1782 г. р. Вероятно, были и еще дети. Умер и похоронен, вероятно, в д. Галкиной.

2. Поколение

Андрей

Род. 1782 г.

Ум. после 1846 г.

Жена:

Дети: Симон

Андрей Лаврентиев родился в семье Лаврентия Югова. Государственный крестьянин д.Галкиной Шадринского уезда Пермской губернии. Был женат. От брака известен сын Симон. Вероятно, были и еще дети. В 1846 г. он

проживал с семьей сына Симона (вероятно, младшего – прим. автора). Прихожанин церкви с. Песчанского Верхтеченской волости. Великим постом 1846 г. был на исповеди. Вдов. Умер и похоронен в д. Галкиной после 1846 г.

59	231.	Андрей Лаврентьев Юговъ	69.	Бать
		Юговъ		
	232.	Сынъ его Симонъ	37.	
	259.	Жена его Дарья Яковлева	45.	Бать
	233.	Дети ихъ Евфимий	15.	
	234.	Павелъ	10.	
	235.	Александръ	3.	
	260.	Меланья	17.	Бать
	261.	Александръ	7.	
	256.	Жена его Евфимия Юговъ	28.	
	262.	Жена его Виктория Юговна	28.	

Духовные росписи Цареконстантиновской церкви с. Галкинского, 1846 г.
ГАШ КО Ф.И-245. Оп.1. Д.13. Л.8 об., фото 2012 г.

3. Поколение

СИМОН

Род. 1809 г.

Ум. около 1868 г.

Жена: Дарья Яковлева (1803 – до 1863)

Дети: Меланья (1829 – после 1846), Евфимий (Ефим) (1831–1854), Павел (1836 – около 1909), Александра (1839–1868), Александр (1843–1920)

Симон Андреев родился в семье Андрея Лаврентиева Югова. Государственный крестьянин д. Галкиной Шадринской волости Пермской губернии. Прихожанин церкви с. Песчанского Верхтеченской волости.

Был женат. Жена Дарья Яковлева (1803 – до 1863). От брака известно пятеро детей: Меланья (1829 – после 1846), Евфимий (Ефим) (1831–1854), Павел (1836 – около 1909), Александра (1839–1868), Александр (1843–1920). Прихожанин церкви с. Песчанского Верхтеченской волости. С 1846 г. – прихожанин Цареконстантиновской церкви с. Галкинского Верхтеченской волости. Великим постом был на исповеди. Прожил жизнь в д. Галкиной. Овдовел около 1863 г. Умер Симон Андреев после 1863 (до 1868), похоронен в д. Галкиной.

67.	258.	Симонъ Андреевъ Юговъ.	54. лѣтъ.	Бать
	258.	Павелъ Симонъ Юговъ.	28.	
	344.	Меланья Евфимия Юговна.	20.	
	260.	Александръ Симонъ Юговъ.	21.	
	345.	Меланья Виктора Андреева.	20.	м.

Духовные росписи Цареконстантиновской церкви с. Галкинского, 1863 г.
ГАШ КО Ф.И-245. Оп.1. Д.13. Л.8 об., фото 2012 г.

4. Поколение

Александр

Род. 1843 г.

Ум. 1920 г.

Жена: Елена Андреева 1843 г. р.

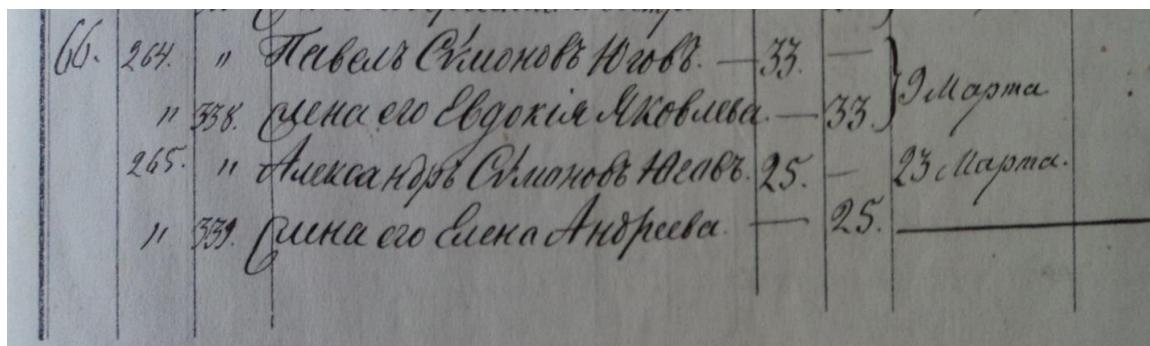
Дети: Кузьма (1871–1851), Дмитрий (1878–1924), Евгения (еще семеро детей умерло младенцами)

Александр Симонов родился в семье Симона Андреева и Елены Андреевой Юговых. Государственный крестьянин д. Галкиной Верхтеченской волости Пермской губернии. С 1846 г. прихожанин Цареконстантиновской церкви с. Галкинского Верхтеченской волости.

Был женат. Брак был заключен зимой 1868 г. Жена Елена Андреева 1843 г. р. От брака известно трое детей: Кузьма, Дмитрий и Евгения. Родившиеся до них семеро детей умерло младенцами.

Вел крестьянское хозяйство. Обрабатывал свой земельный надел «Дубрава», где выращивал пшеницу, овес, коноплю, лен, а также рожь и горох. Держал лошадь и ухаживал за животными и птицей. Старшему сыну Кузьме дал образование. Ежегодно бывал Великим постом на исповеди и святом причастии. В 1868 г. на исповеди были с женой 23 марта.

Умер Александр Симонов в 1920 г.

Духовные росписи Цареконстантиновской церкви с. Галкинского, 1868 г.
ГАШ КО Ф.И-245. Оп.1. Д.13. Л.143, фото 2012 г.

5. Поколение

Кузьма

Род. 1871 г.

Ум. 1951 г.

Жена: Антонина Григорьева Саломатова (1874–1949)

Дети: Зоя (род. 25.04.1894 г.), Борис (род. 01.02.1896 г.), Михаил (род. 25.05.1898 г.), Николай (род. 08.05.1900 г.), Алексей (12.03.1902–13.02.1979 г.)

Кузьма Александров родился в семье Александра Симонова Югова. Государственный крестьянин д. Галкиной Верхтеченской волости Пермской губернии. Прихожанин Цареконстантиновской церкви с. Галкинского Верхтеченской волости.

В семь лет был отдан в школу. В 1880 г. (т. е. в 10 лет) Кузьма окончил школу. После окончания школы занимался с учениками младших классов. В должности учителя проработал весь учебный год. С 1883 г. в волостном правлении. Летом – как до поступления в волость, так и после – года по два помогал отцу в поле: боронил, косил, пахал. Даже нанимался боронить к богатым мужичкам, Данилу Верховых и Ивану Леготину, служившему тогда волостным старшиной.

До 1887 г. служил в волости. В 1887 г. переехал в Заманилки Челябинского уезда, тоже помощником писаря, «к своему бывшему патрону Константину Васильевичу Шаламову, поступившему туда волостным писарем. Шаламова начальство перебросило в Иванково на Миасе, а я остался служить у Григория Павловича Саламатова в д. Могильной (Альменево) Ичкинской волости, где население было исключительно татарское».

В августе 1889 г. ушел в конторщики и приказчики к Мартину Кузьмичу Краснопееву, в станицу Усть-уйскую. Затем ушел и прожил около двух лет в Заманилках у Саламатова. Затем – около года в Иванково у К. В. Шаламова. Из Иванкова был переведен в Окуневскую. Затем был приглашен волостным писарем на свою родину в с. Галкинское, где прослужил до февраля с половины ноября 1889 г., а до ноября 1892 г. в Куртамыше. Затем в слободе Каминской служил волостным писарем до 1899 г.

Был женат. Таинство брака было совершено 27 января 1893 г. в единоверческой церкви с. Редутского, о чем в метрической книге Вознесенской церкви сохранилась запись: «жених Пермской губернии Галкинской волости и села крестьянин Козма Александров Югов, православного вероисповедания первым браком 21 года. Невеста Уфимской губернии Златоустовского уезда Ярославской волости села Устькатайского крестьянская дочь девица Антонина Григорьевна Саламатова православного вероисповедания 18 лет.»

**Вознесенская единоверческая церковь с. Редуть Звериноголовского р-на.
Фото 2015 г.**

Поручителями по жениху были «проживающий в селе Куртамыше Геннадий Зайцев, учитель каминского начального училища Алексей Васильев Архипов, по невесте проживающий в селе Гледянском крестьянин Маркел Стефанов Ивинов, проживающий в селе Куртамыше Александр Егоров Тюльпанов». Таинство брака совершил священник Пивкинской церкви Геннадий Ионин. После женитьбы проживал в с. Каминском. Построил дом и каменную лавку. Совмещал должность писаря и торговлю, пока не оставил эту должность.

Каменная лавка К. А. Югова в с. Каминском. Фото 2013 г.

От брака с Антониной Григорьевой Саломатовой у него было пятеро детей: Зоя, Михаил, Борис, Николай и Алексей. Все дети были крещены в Свято-Троицкой церкви с. Каминской, о чем в метрических книгах сохранились записи. Так, **Зоя** родилась 25 апреля 1894 г. Таинство крещения совершено 1 мая того же года. «Служащий волостным писарем в Каминском волостном правлении крестьянин Пермской губернии Шадринского уезда Галкинской волости и села Косма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьева, оба православные. Восприемники – «полицейский урядник 14 участка 4 стана Челябинского уезда Оренбургской губернии крестьянин села Куртамышы Василий Яковлев Смирнов и того же уезда Таловской волости села Гагарьего крестьянская жена Татьяна Минова Тельминова». Таинство крещения совершил священник Дмитрий Муромцев и дьякон Николай Кремлев.

Сын **Борис** родился 1 февраля 1896 г. Таинство крещения совершено 3 февраля 1896 г. «Состоящий в должности писаря при Каминском волостном правлении крестьянин Пермской губернии Шадринского уезда Галкинской волости и села Косма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьева, оба православные. Восприемники – «Тобольской епархии Курганского округа Камышевского прихода священник Иоанн Стефанов Карпинский и жена священника Закоуловского прихода Клавдия Александрова Багрянская». Таинство крещения совершил священник Дмитрий Муромцев и дьякон Алексей Комаров.

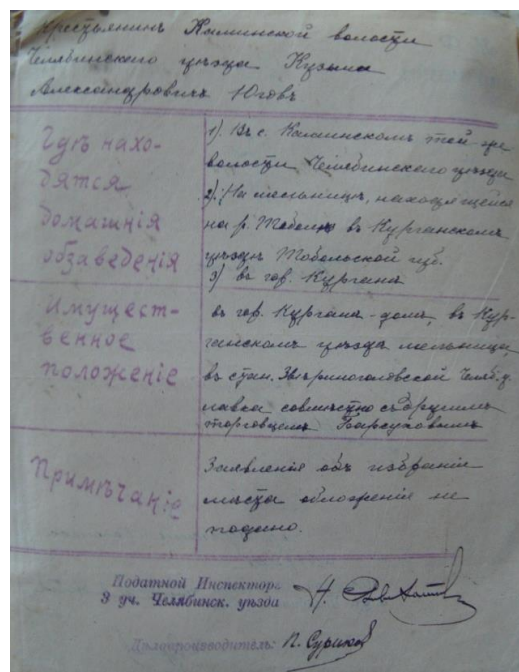
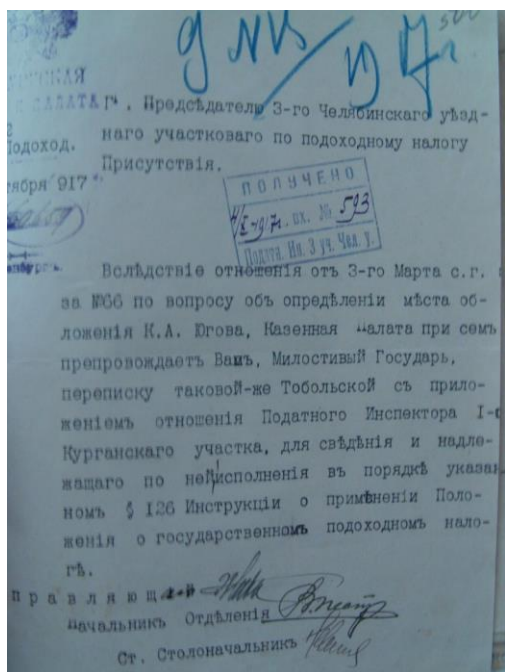
Михаил родился 25 мая 1898 г. Таинство крещения совершено 25 мая 1896 г. «Пермской губернии Шадринского уезда Галкинской волости и села крестьянин Козьма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьева, оба православные». Восприемники – «села Редути священник

Александр Петров Инфантьев и Звериноголовской крепости казачья жена Апполинурия Николаева Кукаретина». Таинство крещения совершил священник Константин Челноков и дьякон Николай Кремлев.

Николай родился 8 мая 1900 г. Таинство крещения совершено 11 мая 1900 г. «Слободы Каминской торгующий крестьянин Косьма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьевна, оба православные. Восприемники – «слободы Куртамышской Алексей Кириллов Голощапов и села Галкина крестьянская девица Евгения Александровна Югова». Таинство крещения совершил священник Азарий Кувшинский и дьякон Алексей Комаров.

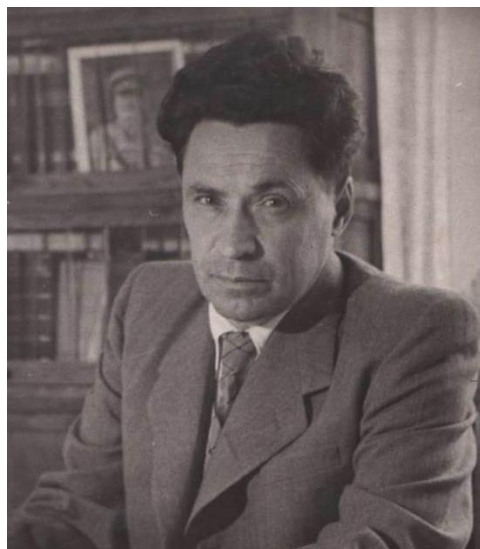
Последний сын, **Алексей**, родился **12 марта 1902 г.** Таинство крещения совершено **14 марта 1902 г.** «Слободы Каминской крестьянин Косьма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьевна, оба православные. Восприемники – «деревни Белой крестьянин Егор Васильев Пономарев и крестьянская дочь девица Зоя Космина Югова». Таинство крещения совершил иерей Александр Ильин и дьякон Алексей Комаров.

Около 1899 г. Кузьма Александрович оставил службу волосного писаря и стал заниматься торговлей и мукомольным промыслом (купил мельницу за д. Белой). Через несколько лет он открыл еще и маслодельный завод, производительность которого достигала до 10 тысяч пудов масла в год. В последние годы масло отправлялось на комиссию в Лондон, в фирму «Стивенс». Уехал из Каминской слободы в годы гражданской войны. Дал всем детям образование.

Налоговые документы о К. А. Югове. Фото 2013 г.

Пережил великую Отечественную войну. Жили с женой в Москве у старшей дочери Зои. После войны жили в поселке Салтыковка под Москвой, где еще до войны был получен участок земли. Умер в ноябре 1951 года. Похоронен на Никольском кладбище поселка Салтыковка, в одной ограде с женой Антониной Григорьевной (умерла в 1949 г.).

6. Поколение

Алексей

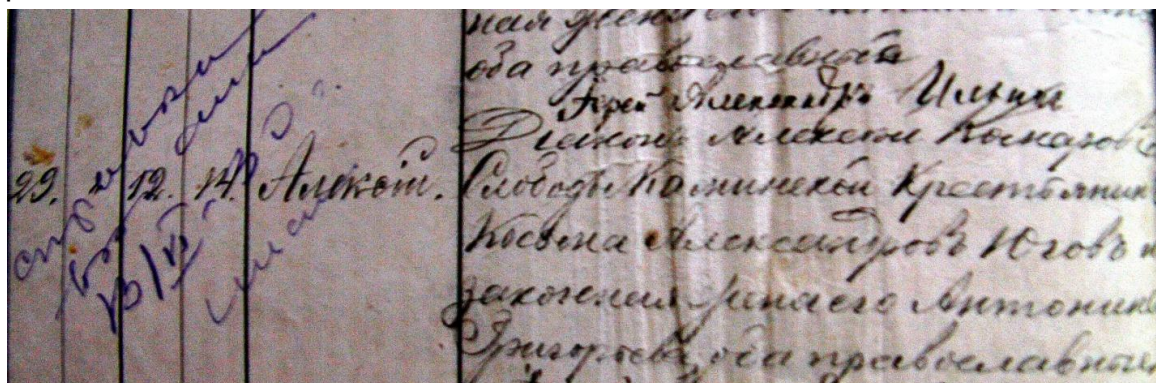
Род. 12 (25) марта 1902 г.

Ум. 13.02.1979 г.

Жена: Ольга Ивановна Дзендзелло

Дети: Владимир, Татьяна

Алексей Кузьмич Югов родился 12 (25) марта 1902 года в слободе Каминской Каминской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне село Каминское Куртамышского района Курганской области). Таинство крещения совершено 14 марта 1902 г. «Слободы Каминской крестьянин Косьма Александров Югов и законная жена его Антонина Григорьевна, оба православные. Восприемники – «деревни Белой крестьянин Егор Васильев Пономарев и крестьянская дочь девица Зоя Космина Югова». Таинство крещения совершил иерей Александр Ильин и дьякон Алексей Комаров.

Метрическая запись от 12 марта 1902 г. о рождении А. К. Югова.
Фото 2016 г.

Детство Алексея прошло в слободе Каминской.

Учился Алексей Югов в Кургане и Новосибирске. В августе 1914 года он был зачислен в Курганскую мужскую гимназию. Журнал «Школьные годы», издаваемый в Кургане Союзом учащихся средней школы, стал первой пробой писательского пера А. К. Югова.

В 1927 году окончил Одесский медицинский институт.

В 1927-1930 годах работал врачом в Сибири.

Начал печататься с 1922 года, с 1934 года – член СП СССР.

Автор романов, а также очерков, литературных статей, рецензий, художественных биографий ученых. Переводчик и комментатор «Слова о полку Игореве».

Умер А. К. Югов 13 февраля 1979 года. Похоронен на Никольском кладбище поселка Салтыковка (Подмосковье), рядом с родителями и женой.

Награды и премии:

- Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1972) — за роман «Страшный суд» (1971).

- Орден Трудового Красного Знамени.

- Орден «Знак Почета».

Мемориальная доска на ул. им. А. К. Югова в г. Куртамыше.
Фото 2013 г.

Именем А. К. Югова названа улица в г. Куртамыше, а с 1991 года его имя присвоено Курганской областной библиотеке.

В июле 2012 г. на улице им. А. К. Югова установлена и открыта памятная доска (помещенная на здании средней школы № 2). Это событие очень порадовало Любовь Владимировну Серебровскую. Я ей выслал диск с записью этого события, и после получения моего письма она написала:

«Станислав Владимирович, спасибо за диск. Получила ваш диск, посмотрела, послушала. Какой Куртамыш зеленый летом, какая красивая природа! И приятно было песню Вадима Малкова услышать – я ведь его тоже хорошо помню.

Спасибо большое всем, кто это организовал. Привет всем сотрудникам музея.

Станислав Владимирович, если соберетесь в Москву, пожалуйста, сообщите, очень хотелось бы повидаться.

Л. В. Серебровская
Четверг, 31 января 2013 г.»

К сожалению, свидеться нам не пришлось...

Примечания:

1. ГАШ КО Ф.И-245. Оп.1. Д.13.
2. Воспоминания Кузьмы Александровича Югова (Личный архив Л. В. Серебровской, внучки А. К. Югова)
3. МКУК Куртамышского района «Краеведческий музей им. Н. Д. Томина» О.Ф. 2725 (Метрические книги Свято-Троицкой церкви с. Каминской)

Секция 1. ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ

Константа дороги в сказах П. П. Бажова

*Федорова Валентина Павловна,
доктор филологических наук, профессор
Курганского государственного университета*

Дорога, по определению В. И. Даля, – «ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье для езды, для проезда или прохода; путь, стезя; направление и расстояние от места до места; самая езда или ходьба, путина, путешествие» [4; с. 1176]. Составитель «Словаря живого великорусского языка» отметил антропологическую грань слова: это и жизненный путь человека, род жизни. Переносное значение закреплено афоризмами: «Туда ему и дорога», «Быть на хорошей дороге»; в ряде текстов дорога сопряжена с понятиями сакрального ряда: «Смерть дорогу найдет», «Без Бога не до порога», «Никола в путь, Христос по дорожке» [4; с. 1176-1177]. Архаическое восприятие дороги как сакрального предмета закреплено небесной сферой: Млечный путь.

Просторы Русской земли открыли дороге широкий путь в культуру. Оседлый по самосознанию народ – русские – «движущийся этнос» [7, с. 8]. Сакральный смысл дороги определен ее функцией придавать всему космическое единство, утверждать связи между разными сущностями. Дорога – начало познания мира, начало открытий. Образ дороги – конечная точка жизни.

Убыстренный темп жизни делового Урала – основа огромнейшего полотна дороги в сказах Павла Петровича Бажова. Функции дорог в прозе этого писателя многогранны. Чертой его идиостилия является придание дороге функции связи этого мира и мира иного – подземелья, царства Хозяйки Медной горы и Великого Полоза. В это царство ведут и дороги неволи. Предания, устные рассказы, былички, слышанные писателем от стариков, открыли страшную изнанку демидовского богатства и великолепия. Крепостное право позволяло гнать людей в гору. Формула «выпороть и в гору» пронизывает большинство текстов. Не случайно к приказчикам прикипели характерные прозвища – Северьян Убойца, Парóтя (от привычки выговаривать по-русски одно-единственное слово «Пороть!» как «па-ароть!»). Оковы на ногах в рудниках – результат невольничьей дороги.

Среди множества дорог выделим особый тип – дорогу в гору, тип относительно вольный – по выбору человека, которого будоражат собственный дар и стремление взять из горы такой камень, чтобы душу излить, оживить его, реализовать свое мастерство.

Необъяснимое богатство недр, таинственные явления в природе («Кошачьи уши») способствовали укоренению в сознании уральцев образа дороги в иномирие. В соответствии с мифологемой троичности вертикального строения мироздания [6, с. 630] подземный мир изображен как реальное пространство, в которое ведет своеобразное окно. Вход в неведомый, таинственный мир Хозяйки Медной горы в соответствии с мифологическими представлениями маркирован как несанкционированный – лаз, дыра, окно [6, с. 250-251]. С этим царством истинные мастера, подобно героям волшебных сказок, соединяются через еду. Степанушку посадили за стол, устав-

ленный едой в соответствии с русским «обрядом», – накормили «щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим...» [2, с. 57]. Показателем неразрывной связи героя с инмирием и наметившимся разрывом с белым светом является мотив потери им памяти и ориентации: «– Куда мне итти? – спрашивает Степан. А сам тоже невеселый стал» [2, с. 57]. Подземный мир – антихристианский: Хозяйка сердится, когда ее богатство берут для строительства церкви. Подобно сказочным героиням, она пользуется специфическими символическими жестами – хлопает в ладоши. Этот жест вызывает движение, дорогу: «Схлопала опять в ладошки, набежали ящерки, полон стол установили» [2, с. 57]. Жест соотносим с жестами Царевны-Лягушки [1, № 267–269].

П. П. Бажов отразил мифологические представления о мастерах, превращающих неживую природу в другое состояние, как людей, владеющих тайными силами. К ним относятся кузнецы, камнерезы [5, с. 21]. Ученые отмечают их связь с хтоническим миром. Так что общение уральских мастеров с обитателями горы предстает в изображении Бажова логичным.

Мотивы дороги в гору и творческих поисков мастеров позволяют отметить стремление писателя понять взгляд рабочего Урала на природу таланта. Бажов как будто отстраненно, объективно передает не свое мнение, а суждения людей, усвоивших устные предания необычайной временной глубины. Как ни крути, а получается, что талант мастеров, работающих с камнем, – не дар небес, а нечто непостижимое, что реализуется через дорогу в гору. Только камень – приданое Хозяйки горы – позволяет проявиться дару. Уральцы, кормившиеся недрами земли, мифологизировали подземелье – владения таинственных сил. Не случайно Хозяйка стремится удержать у себя талант, открывая свои тайны. Через образ дороги писатель раскрыл свой взгляд на трагедию мук творчества. Соприкосновение с настоящим процессом оживления неживого забирает всего мастера.

Дорога – средство изображения не только характеров людей, но и богатства Урала. Хозяйка показывает Степану залежи металлов – свое приданое. «И вот пошли. Она впереди, Степан за ней. Куда она идет – все ей открыто. Как комнаты большие под землей стояли, а стены разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. Синие тоже есть, лазоревые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя» [2, с. 55]. Через образ дороги писатель раскрыл свое понимание природы как материи, в которой даже творческий человек – не хозяин. Он еще до больших экспериментов предупредил о трагедийных последствиях бездушного вмешательства в природу, тайны которой она не отдает.

Дороги придают подземному миру движение, оживляют камень. По своей дороге катится камень. Бегают ящерки: «Те две ящерки тут же бегают. Одна ткнула головенкой в том же месте, какое Андрюха сперва задевал, камень и качнулся. По всей стороне щель прошла. Ящерка туда юркнула, и щели не стало. Другая ящерка пробежала до конца камня да тут и притаилась...» [2, с. 143]. Вместе с тем дороги ведут в те локусы, куда вторгается социальная враждебная сила, для которой всего важнее нажива. «В горе» стало синонимом тяжелейшего положения человека. Надзиратели, приказчики разорвали естественные отношения человека и природы. Камень нужен «хозяевам жизни» не как реализация полета творчества, а как возможность жить в довольстве. Вместо наслаждения богатством узорчатого раз-

ноцветья камня прикованный цепью к стене Степан машет каелкой в сыром забое. В этой гиблой зоне на цепи не мог, естественно, проявиться талант.

Дорога презентуется писателем как средство раскрытия деятельного, активного характера героев. В сказах все в движении. Особенно утопаны тропинки у Змеиной горки: «На Гумешках, конечно, всегда народ: кто руду разбирает, кто возит. Глядят на Катю-то – куда она с корзинкой пошла» [2, с. 105]. На дорогах происходят встречи, завязываются узлы конфликтов, проявляются характеры. В каменном лесу встретились Хозяйка и Катя. Здесь сделал свой выбор Данилушка, уходя из каменного подземелья к людям [2, с. 115]. Дорогами связана вся округа. Селения знают обо всем происходящем благодаря молве, которая летит по дорожкам. Все села идут на поиск пропавших людей. Тропками изрезаны горы: работа старателей. К Синюшкиному колодцу можно добраться неторной дорогой. Своими дорогами идут солнце и его лучи. Идет дождь. Бодрое настроение в доме создается бесконечным передвижением его обитателей.

Наполнены сказы П. П. Бажова метафорами, связанными с движением и дорогами: «...ты, милый сын, по этой половине не ходи» (не следуй рядовой работе – В. Ф.), «прошла зима», «вот бы такой узор вышел!», «разговор из головы нейдет», «медный завод плохо идет», «у нас завод пойдет». Дороги как художественный образ вводит сказы П. П. Бажова в контекст русской литературы. Мифологизированные, они вместе с тем выводят все, что происходит в регионе, за пределы «обозримой человеческой истории. Бажовский Урал не только населяют «стары люди» дороссийского прошлого, но и свои хранители земельных богатств...» [3, с. 5].

Дорога в сказах П. П. Бажова сопряжена с образом **воли**. «Воля в диалектах русского языка, с одной стороны, – свобода, с другой – внешнее пространство за пределами очерченного (и освоенного) культурой круга: «пришли с воли», т. е. с улицы, откуда-то извне, с дороги, пришельцы. Туда, на волю, уводит «русская дорога»...», – пишет Т. Б. Щепанская [7, с. 37].

Литература:

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : В 3 т. – Т. I. – М., 1985. № 267–269.
2. Бажов, П. П. Сочинения : В 3 т. – Т. I. – М., 1976. – 350 с.
3. Блажес, В. В. Слово о П. П. Бажове // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург, 2007. – 640 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. – Т. I. – М., 1994. – 312 с. – С. 1176.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – Т. I. – М., 1994.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия : В 2 т. – Т. II. – М., 1994.
7. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифо-ритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003.

Фольклорные образы и мотивы в сборнике В. И. Юровских «Утротворец»

*Постовалова Ольга Дмитриевна,
Курганский государственный университет*

Творчество В. И. Юровских является знаковым для зауральской литературы. Его произведения – это ода родному краю, его природе, людям. Из-под пера Василия Ивановича за несколько десятилетий литературной деятельности вышло более десяти сборников прозы, основной темой которых была тема природы. Одним из таких сборников является сборник «Утротворец». Удивительно тонко и лирично описывает В. И. Юровских красоту родного края. Природа оживает в произведениях автора, создается эпическая картина жизни родного края, начиная с давних времен и заканчивая сегодняшним днем. Такой размах произведениям придает включение в структуру произведений отдельных фольклорных жанров и мифологических образов и мотивов.

Одни из самых частотных жанров в сборнике – топонимические и исторические предания. Важная функция преданий – объяснение природных особенностей какого-либо места – как, например, в рассказе «Тайна бора»: «Погибла в ем дева-краса Дуняша... Выпросилась она с родителями в город. А суседи по злобе-зависти нашептали зарным братьям Терешиним: мол, злато-серебро оне крадче переправляют. Подкараулили лиходеи подводу у Богатского мостика. Налетели с топорами и насмерть зарубили бедных родителей. Дуняше плечо поранили, да вывернулась она и в бор кинулась.

Бают, долго душегубы за ней гонялись, а настичь и посечь не могли. Увертывалась Дуняша, и топоры все по соснам попадали. К утру Терешины из сил выбились, обезумели. Выбежали к мостику, и тут их похватили люди добрые. Всех четверых суд судил, всех на каторгу угнали.

Дуняшу всем миром звали – не отозвалась. Всего и нашли – косу девичью, отсеченную, к сосне смолой прикипела. А сама Дуняша сказывали, обернулась белой лебедью и улетела в края заморские.

С тех пор каждую осень кружат над бором стаи лебединые. Кричат, кричат жалобно, слезоньки их снежинками на землю стылую опускаются...» [2,326].

Кроме объяснения природных особенностей места, еще одной важнейшей функцией жанра преданий в сборнике В. И. Юровских является функция памяти, которая связывает историю разных поколений, живших и живущих в одном месте. В рассказе «Ивановы кусты» добрая память о человеке и его делах живет и будет жить в названии места. В этом рассказе топонимические предания не просто включены в структуру произведения, но и образуют сюжет. Рассказ начинается с предания о Диком болоте: «Не в глуши лесной Дикое болото, как окаянное, но не зря слово крестьяне молвили. Пойдут ребятишки клубнику-глубянку на релках брать, окружатся и вместо своей деревни уйдут в соседнюю. Бабы всяко норовили Дикое болото обойти. Куда ж им, ежели артель мужиков нет-нет да и заблудится. А бо-

гомольного дедушку Гришу Кочненка нечистый трое суток водил и только возле крестика отпустил.

Дурная слава шла о болоте» [2, 252].

А далее следует еще одно топонимическое предание о названии «Ивановы Кусты». Рассказывает оно об охотнике Иване, который все думал, как «немилость односельчан отвести от болота» [2, 252]. И посадил он кусты еще до войны, а вернулся и увидел, что в двух местах кусты поднялись. От случайного прохожего он узнал, что прозвали люди эти кусты Ивановыми:

«– Может, понапрасну он натыкал сюда тальника? – спросил Иван и сам испугался.

– Мне б такую память о себе, – заговорил парень. – Не только для птах уют Ивановы кусты. Как они выросли – никто более не заблудится тут. В засушливые лета завсегда здесь вода сохраняется. Пойдет кто глуканку брать – есть где от жары укрыться, испить водицы. Да мало ли пользы человеку от них..» [2, 253].

Включение исторических и топонимических преданий в повествование расширяет временные границы сборника. Здесь не только время героя-рассказчика и его современников, но время отцов, дедов, прадедов переплелись в единую летопись жизни земли зауральской.

Еще одним важнейшим жанром сборника является песня. Художественный мир произведений В. И. Юровских наполнен звуками, голосами. Это и звуки окружающей природы, и пение птиц, которое будит матушку-землю и героя вместе с восходом солнца, и, конечно же, народные песни, столь дорогие сердцу автора. Один из рассказов, посвященный Владимиру Крупину, так и называется «Песня». Герой встречает рассвет на реке и слышит старинную русскую народную песню:

В субботу день ненастный,
Нельзя в поле, эх, нельзя в поле работать.
Эх-ма, нельзя в полюшке работать,
Ни боронить, эх, ни боронить, ни пахать [2, 286].

Эта песня разбудила дорогие сердцу воспоминания о родителях, о самом радостном времени жизни человека – детстве. Услышав эту песню от незнакомых людей, он понимает, что эта песня дорога не только ему, но и всем русским людям. В песню вложена душа русского человека, а потому она объединяет совсем незнакомых людей, делая их родными и близкими.

Один из центральных фольклорных образов сборника – образ земли: «Уснула земля и спит, ровно дышит уставшей грудью, словно мать многодетной семьи. Отдыхает она, и вздохи ее рождают туман, а он освежает травы и деревья... Тепло земли идет через стог сена и по-матерински согревает нас с сыном» [2, 379].

Такое восприятие земли имеет мифологические корни. В славянской мифологии она представляла женское начало, символизировала плодородие. А. Н. Афанасьев отмечает: «...Наш простолюдин небо называет отцом, батюшкою, а землю – матушкою, кормилицею; в эпическом языке сказок и песен постоянно повторяющееся выражение: мать сыра земля означает –

землю увлажненную, оплодотворенную дождем, и потому способную стать матерью» [1, 66].

Обильные урожаи родной земли в рассказах В. И. Юровских отождествляются со сказочным образом скатерти-самобранки: «И весь я в сладостном ожидании: вот-вот раскинет земля скатерть-самобранку, пойдут по грибы и птичьи песни наши люди, и будет у них на сердце тоже солнечно и радостно» [2, 70]. Дары скатерти-самобранки помогли выжить юровчанам в тяжелые годы войны, земля-матушка словно жалела их – все четыре года войны были урожайными на хлеб, травы, грибы и ягоды. Родная земля пощадила и отца автора на войне. Дважды его заваливало землей от взрыва, но он выжил: «То, Вася, земля-то наша русская, а не чужая... А своя разве может насмерть зашибить свою же солдата? Нет, не может» [2, 315].

Наряду с образом земли еще одним важнейшим образом в мифологических представлениях является образ воды. Воспринимая землю как живое существо, первобытные люди сравнивали широкие пространства суши с исполинским телом, в твердых скалах и камнях видели ее кости, в водах – кровь. Кровь земли – ее водные источники обладали целительной силой и многие были местом поклонения [1]. Не случайно в сказках так распространен мотив живой и мертвой воды. Живая вода придает силы человеку, возвращает его к жизни. Мотив живой воды встречается и в сборнике Василия Ивановича: «И вдруг пить захотелось. Не из омута, а из ключей в согре. Вода там живая, поди, тысячи лет сочится из земли» [2, 248]. В рассказе «Согра» автор повествует о почитании местными жителями ключей, бьющих из-под земли: «Не зря в старину юровские мужики за три версты ездили сюда (к ключу), воду для чая на праздники брали. Не прихоть то, а вкус и почтение земле-кормилице» [2, 126]. Ключи в представлении автора – это глаза матушки земли: «Видит здесь земля днем и ночью. И добрые дела и грешные. И уважит всякого, кто с добром сюда придет» [2, 126].

С образом матушки-земли связан еще один образ – образ солнца: «А час за часом – и ночи конец. С востока чуть заметный свет пробивается, словно какой-то богатырь идет и пером жар-птицы путь себе высветляет [2, 124]. Образ богатыря солнца возникает и в рассказе «Хохлушки»: «Тебе показалось, будто под березовой дубравой побережья Крутишки распрямляется большой яснолицый великан. И когда он встанет во весь рост и поднимет веки – будет светло и жарко до самого вечера» [2, 187].

Представление солнца в виде мужского образа характерно для мифологических воззрений. У древних славян небо олицетворялось в мужском образе Сварога. Как отмечает А. Н. Афанасьев, «слово “svarga” употреблялось и в смысле прозвания Солнца, как светлого, блестящего бога, шествующего по небесному своду. Сварог, как олицетворение неба, то озаренного солнечными лучами, то покрытого тучами и блистающего молниями, по указанию наших памятников, признавался отцом солнца и огня» [1, 67].

Таким образом, использование фольклорных образов и мотивов подчеркивает неразрывную связь природы и человека, который осознает себя органичной частью ее. Природа одушевлена и выступает не фоном, а активным действующим героем произведений. Включение в повествование топонимических и исторических преданий позволяет расширить временные гра-

ницы произведений, показывая жизнь нескольких поколений юровчан на родной зауральской земле и придавая повествованию эпический характер.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. – М. : Советский писатель, 1995. – Т. 1. – 400 с.
2. Юровских В. И. Утротворец : рассказы. – Шадринск :Исеть, 2002. – 398 с.

Образ провинциального города в лирике зауральских поэтов

*Жукова Ирина Максимовна,
Курганский государственный университет*

В современном литературоведении подробно исследованы петербургский, ленинградский, московский, пермский сверткесты. Исследователь К.Ф. Тарановский связывает механизм формирования «сверткеста» с практикой использования поэтами системы подтестов. «Подтест» – «уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте» [3, 31]. «У всех поэтов есть свои излюбленные темы, свои любимые образы и даже свои любимые слова. Все эти повторяющиеся темы и образы создают внутренние циклы в творчестве данного поэта, циклы, которые невозможно вместить в точные хронологические рамки. Более того, такие возвращающиеся темы могут быть характерными для нескольких поэтов-современников, вне зависимости от так называемых поэтических школ и даже от исторических периодов» [3, 18].

Статус Кургана определяется не только локусом «провинциальный город», но и особым историко-культурным и географическим положением: «Левым боком я уралец, / Правым боком – сибиряк» (Л. Куликов). В рамках проекта «Старый Курган» на сайте «Старые и новые стихи о Кургане» (<http://oldkurgan.ru/stihi>) курганцы могли разместить свои стихотворения, посвященные родному городу. Так, на наш взгляд, создается «курганский лирический цикл», который можно рассматривать в контексте уже существующих «городских» сверткестов.

Мы можем говорить о «курганском тексте» при наличии текста-прецедента, в котором задана лирическая ситуация, повторяющаяся и трансформирующаяся в других произведениях. Таким текстом-образцом можно считать стихотворение Сергея Васильева «Прямые улицы Кургана» (1946). Тема «малой родины» и мотивы воспоминания и возвращения в родной дом организуют семантическое пространство стихотворения. Поэт создает художественный мир, границы которого стираются благодаря взаимопроникновению предметного и чувственного, прошлого и настоящего. В воспоминаниях лирического героя фиксируется детское мировосприятие:

Здесь знаю я любые вышки,
Любой забор, любой квартал,
Здесь я читал еще не книжки,
А только вывески читал.

Я здесь могу найти вслепую
Любое прясло с деревцом,
Любую лесенку, любую
Калитку с кованым кольцом.
Здесь дождевой порою вешней
На толстых сучьях тополей
Крепил я легкие скворечни,
Гонял со свистом голубей [2].

Лексические повторы («здесь», «любой», «читал»), в том числе анафоры, обилие глаголов движения (читал, крепил, гонял), система стиховых переносов передают и эмоции взрослого человека, и особенности детского сознания, не способного разделить мир на чувственный и вещный.

Идея безграничности находит поддержку в ключевом образе стихотворения («Кургана улицы прямые»). Образ курганских улиц то сужается до «дома последнего с краю» до «пожарной каланчи», то расширяется до «сквозной дали». Эпитет «прямые» характеризует не только курганские улицы, но и определяет характер лирического героя, осознавшего кровное родство с городом:

Прямые улицы Кургана!
Я вновь и вновь на вас смотрю
И говорю вам без обмана,
Как сестрам брат, вам говорю:
Хотя внезапная разлука
И разделила вас со мной,
Мне не забыть родного звука,
Метели посвист ледяной.
И если есть во мне хоть малость
Того, что следует беречь,
Так это ваша власть сказалась
И отложилась ваша речь.
И если ярость азиата
Во мне, как брага, разлита,
Так это ваша виновата
Сквозная даль и прямота [2].

Эмоциональное состояние героя, переживающего волнение, грусть и радость от встречи с родным городом, передается за счет синтаксических средств: инверсии («Кургана улицы прямые»), повторов. Стихотворение «Прямые улицы Кургана» астротическое, монолог-обращение представляет «сплошной» речевой поток, урегулированный перекрестной рифмовкой мужских и женских стихов.

В стихотворении А. Пляхина «На тополином берегу» развивается мотив родства поэта с Курганом, «любимым городом»:

И я впервые понимаю,
Значенье истины простой,
Что для родства с Курганом мало
Одной прописки городской [2].

Астрофическая форма, риторические вопросы, анафоры, несовпадение стиховых рядов и синтаксического членения речевого потока («строчные» переносы) становятся важными ритмическими определителями стихотворений о Кургане С. Васильева и А. Пляхина.

Мотив личных воспоминаний, центральный – в стихотворении С. Васильева, у А. Пляхина трансформируется в мотив исторической памяти. При этом значительно расширяется художественное время. Героическая история города и трагические судьбы людей, связанных с городом (Пичугина, Кюхельбекера, Кармелюка), становится критерием самооценки лирического героя:

О, сколько за три века судеб
Ты привязал к своей судьбе?
Ах, сколько бурь перекипело,
И даль померкнувшего дня
Отговорила, отболела,
Отволновалась без меня.
А я в ином шагаю веке,
Отвержен временем от мук
Твоих, опальный Кюхельбекер,
Твоих, острожник Кармелюк (2).

Рефлексия героя организует развертывание лирической ситуации: динамика раздумий героя противопоставлена статичному образу Кургана, города самодостаточного и величественного:

Стоит Курган, века связуя,
На тополином берегу,
Стоит Курган, любимый город,
И каждый взгляд в любом окне,
И каждый звук его и шорох,
Как кровь, пульсируют во мне [2].

Город соединяет судьбы людей, исторические и культурные эпохи в сборнике стихотворений «И скорбит, и ликует душа...» - поэтическом завещании талантливого филолога, журналиста, поэта Геннадия Сергеевича Артамонова:

Не надо ни звезды, ни креста,
Пусть обелиск напоминает книгу,
Которую писал, но не издал,
Где над собой подшучивал стихами,
Где так и не раскрыл свой идеал
И даже толком не простился с вами... [1,80]

В посвящении как лирическом жанре выражен и лирический герой, и адресат. Лирический герой Г. Артамонова открыт миру, он спешит поделиться с людьми Верой, Надеждой, Любовью:

Так давайте уьем равнодушие,
С ним шагать по дороге нельзя,

Все же верую в чистые души я,
В ваши добрые души, друзья... [1, 33]

Адресатами выступают друзья («Верую»), коллеги по ТВ («Старшим товарищам – ветеранам журналистики»), поэты и художники – Г. Травников («Радуга акварели»), В. Потанин («Каравай»), любимая женщина («Стихи, написанные к столетию А. Блока»), любимая курганская школа № 12 и любимые учителя («Родной двенадцатой», «Урок», «Учитель»); река Тобол («Весенний Тобол»).

Мотив памяти – главный формальный признак, объединяющий посвящения Г. Артамонова в своеобразный лирический цикл. Так, юбилей А. Блока становится поводом для признания лирического героя своей возлюбленной: «Люблю тебя! Люблю сильнее, чем Блок!» [1, 22]. Знаменитый блоковский образ Прекрасной Дамы помогает герою не только выразить силу своего чувства, но и ироническое отношение к себе: «...Но я писал, как Блок, // Прекрасной Даме, // Хоть понимал, // что я отнюдь не Блок».

Культурная память лирического героя неотделима от памяти исторической. Судьбу своего поколения «курганской шпаны сороковых, курганской братвы пятидесятых» Г. Артамонов связывает с судьбой российской и призывает ровесников следовать юношескому кодексу чести («Не бойся никого и ничего, // Преодолеем всех и все за одного...») и оставаться наивными («Не стесняйтесь, будьте наивными, // В этом что-то от счастья есть!»).

Великая сила памяти соединяет в душе лирического героя восхищение мужеством и доблестью участников Великой Отечественной войны («Ветеранам Великой Отечественной») и подвигом земляка-«афганца» («Последняя граната». Николаю Анфиногенову – Герою Советского Союза – посвящается).

Лирический герой Г. Артамонова – человек творческий, остро чувствующий быстротечность времени, драматизм жизни. Оптимизм, самоирония помогают герою сохранить «горячее сердце». Стихотворение «Юбилейное (Самому себе – в 60)» из шуточного послания «себе любимому» превращается в диалог с друзьями о жизни, о сомнениях и тревогах человека на очередном временном рубеже и о настоящем счастье:

Вы видите, как я богат,
Да не рублями, а друзьями,
И в шестьдесят, как в пятьдесят,
Я счастлив, что еще я с вами. [1, 129]

Посвящения коллегам-журналистам, известным писателям и художникам представляют отношение Г. Артамонова к делу, к творчеству. Таковы секреты мастерства «непростого человека – телевизионщика»: «Мы не работаем – горим, // Чтобы экран светился!». По убеждению автора, истинное творчество требует «весь арсенал духовных сил» поэта, художника, журналиста:

Сохрани божий дар
До последнего вдоха.

Удержи на холстах
Жизни быстрой мгновенья... («Радуга акварели»)

Неисчерпаемым источником вдохновения, «частицей памяти живой» для Г. С. Артамонова и его лирического героя стала природа Зауралья:

Ах, река, Tobол-река...
Камень в струях точится...
Жизнь порою нелегка,
Но с тобой –
Жить хочется! [1, 147]

Стремление к диалогу и с классиками, и с современниками, на наш взгляд, обусловило обращение поэта к традиционному лирическому жанру с устоявшимся мотивным комплексом. Посвящение как разговор с конкретным адресатом позволяет раскрыть духовный мир лирического героя, его мировидение и мировоззрение:

В этот мир мы явились не зря,
Предаваться печали не будем,
Пусть встает над рекою заря,
Что-нибудь да оставим мы людям [1, 77].

Ключевые слова-образы («улицы», «мой Курган») позволяют включить в «курганский текст» стихотворение журналистки Светланы Бажиной «Я стихи, как кружево, плету...». Городской пейзаж провинциального города соединяет жизнь улицы («колокольный звон» – «тихий плач»; «окон огоньки», «хрупкие домишки»; «новостройки») и природы («Медленно течет седой Tobол...»; «Воробьи, нахохлившись, галдят...»). Пятистопный хорей, которым написано стихотворение, имеет устойчивый элегический ореол. Однако традиционные элегические мотивы «ночь», «пейзаж», «дорога», «жизнь» сменяются мотивами «мечта», «вечерняя прогулка», «сон». Хотя автор декларирует разлад между прошлым и будущим: «Это кран подъемный виноват, // Вносит в городской пейзаж разлад...», но, на наш взгляд, конфликта между старым и новым в стихотворении нет, потому что и «Хрупкие домишки смотрят ввысь», и «Новостройки к небу поднялись». Оппозиция «верх-низ», «земля-небо» как раз и определяет границы того идеального мира, в котором природа и вечерний Курган вплетаются в «кружево стихов»:

Лето просит: Дайте еще сил
Царствовать, судьбой повелевать,
Щедрыми дождями поливать.
Тротуары, парки и сады
Жизнь не представляют без воды.
Дождь и солнце, свет и темнота.
Что дано нам, то и красота.
Я стихи, как кружево, плету.
Улицами сонными иду.
Вечер мне позволил помечтать
И спокойной ночи пожелать [2].

Мотив одиночества организует семантическое пространство стихотворения А. Рухлова «Городу» (2009):

Крахмальный клёкот мокрого белья,
Усталый взгляд. Зыбучий, мятый город.
И сводит скулы послевкусием гнилья
Весна твоя, безумная, как Гоголь.
Асфальт, как оспой, перепаханный луной,
Из туч волками смотрит непогода.
Ты одиночка, сытый сам собой,
От всех отрезанный, как ухо от Ван Гога.
Под жёлтым веком воспалён рассвет.
Изжога, кашель, неуёмный тремор,
Слепые сумерки. Ты спившийся эстет,
Угрюмый, словно врубелевский Демон [2].

На первый взгляд, «зыбучий, мятый город» глух и слеп, обречен на гибель. Симптомы тяжелой болезни (воспаление, изжога, кашель, тремор) усугубляются капризами «безумной весны», сумерками, сыростью, усталостью. Однако широкий культурный контекст (Гоголь, Бетховен, Ван Гог, Врубель) разрывает замкнутое пространство и время. Город – «спившийся эстет» – вызывает боль, любовь-ненависть, любовь-проклятие, но не отречение. Однако «слепые сумерки» сменяются зарей и дают надежду на будущее городу и человеку.

Сегодня можно говорить лишь о формировании «курганского текста». Стихотворения профессиональных и самодеятельных зауральских поэтов становятся рецептивным циклом, так как в каждом из них развивается тема «малой родины» и повторяется лирическая ситуация, заданная стихотворением С. Васильева «Прямые улицы Кургана».

Список литературы и источников:

1. Артамонов Г. И скорбит, и ликует душа... Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.
2. <http://oldkurgan.ru/stihi>
3. Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.

Секция 2. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

Известные люди Зауралья как ресурс развития имиджа территории

*Ланцевская Надежда Юрьевна,
Кандидат культурологии,
доцент кафедры философии
и социальных коммуникаций
Шадринского государственного
педагогического университета*

В настоящее время российские провинциальные города все чаще обращаются к проблеме имиджа своей территории. Имидж становится фактором конкурентоспособности и позволяет отдельным городам и регионам в целом эффективно бороться за инвестиции, ресурсы, людей, ускорение социально-экономического развития. Имидж территорий сегодня – это актуальная тема и государственной политики, и PR-технологий, и социальных отношений. Особенно это актуально для малых провинций – самой проблемной зоны городских сообществ. Однако и областные центры зачастую не могут эффективно себя позиционировать, что связано не с отсутствием потенциала, а с отсутствием понимания важности продвижения территории через ее имидж.

Международные эксперты в области территориальной имиджологии часто называют Россию самым главным «белым пятном» на карте мира. Именно так оценивается информированность зарубежных граждан и самих россиян в вопросах культурных ценностей и российских достопримечательностей городов и регионов. По данным Всемирного экономического форума Россия по наличию культурных ресурсов мирового значения занимает 9 место, а по уровню затрат на развитие и продвижение этих ресурсов – 91. Имиджевая политика на региональном уровне в нашей стране пока только начинает складываться. За последнее десятилетие крупные города – такие, как Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Новосибирск – разработали и приняли собственные программы по развитию своего имиджа. Вслед за ними активизировались и другие города и даже регионы. Но, к сожалению, приходится констатировать факт, что у россиян до сих пор не изжито такое представление: имидж страны – это дело, касающееся исключительно государства. Но ведь в действительности, имидж страны складывается из имиджа отдельных ее частей – больших и малых городов, регионов. Поэтому очень важен акцент в имиджевой политике государства на активности и ответственности местного сообщества – городского или регионального.

Имидж территории – многослойный конструкт. Он может складываться из субъективных впечатлений от места, полученных непосредственно в диалоге с местом, или же опосредованно – из материалов масс-медиа, литературных и кинематографических источников, на основе мифов, легенд, слухов, домыслов.

Факторами развития положительного имиджа территории может выступать природно-климатический потенциал места, историко-культурный, событийный и личностный потенциалы.

Под личностным капиталом понимается наличие в истории города (области) людей, чья жизнь и деятельность стала социально значимой в масштабах страны или всего мира. Так, для Шадринска такими личностями являются И. Д. Шадр (1887–1941) – русский советский художник, скульптор-монументалист, представитель направления «академический модерн»; Ф. И. Бронников (1827–1902) – живописец, «передвижник», мастер исторического и бытового жанров, портретист, иконописец, профессор, он заложил основы развития изобразительного искусства в родном городе, завещав свое художественное наследие Шадринску; Т. С. Мальцев (1895–1994) – селекционер и новатор сельского хозяйства СССР; В. П. Бирюков (1888–1971) – ученый-краевед, фольклорист, этнограф, музеевед, архивист, археолог, писатель, диалектолог, член Союза писателей, основатель Шадринского научного хранилища; К. Д. Носилов (1858–1923) – полярный исследователь, этнограф, писатель, журналист; Н. В. Здобнов (1888–1942) – классик отечественной библиографии и др. Для Кургана – это Тимофей Невежин как основатель города, сподвижник легендарного Далмата Исетского; Леонид Куликов – детский советский поэт; Людмила Туманова – автор-исполнитель песен; В. Кюхельбекер – известный поэт-декабрист, друг Пушкина, отбывавший ссылку в Кургане, и т. д.

Несомненно, каждый город с почтением хранит память об этих людях, ставших знаковыми в его судьбе: созданы музеи, экспозиции в их честь, написаны книги об их деятельности и пр. Однако все эти действия нежизнеспособны относительно имиджевой стратегии развития территории. Необходимо, чтобы эти люди стали поистине капиталом, – а для этого важно сделать их поводом для привлечения внимания к территории, в том числе туристов, инвесторов, резидентов (потенциальных жителей). Как показывает практика маркетинга территории, лучшим вариантом является создание события, связанного с именем легендарной личности.

Так, для г. Шадринска в 2017 году таким поводом могут стать юбилейные даты И. Шадра, Ф. А. Бронникова, И. И. Моллесон. Однако эти события станут драйверами для развития имиджа территории только при определенном условии: если городом на административном уровне с привлечением бизнес-сообщества и городского сообщества будет организовано мероприятие всероссийского или даже международного масштаба – в зависимости от вклада известной личности в культуру. Причем такими личностями-поводами могут быть не только реальные люди, но и мифологические персонажи (как, например, Дед Мороз – для Великого Устюга). Для Шадринска ей может стать личность цесаревича Алексея, который, согласно легенде, был чудесным образом спасен и проживал в Шадринске под именем Василия Филатова.

Город с его историей и культурой – самый устойчивый бренд на сегодня и самый верный ресурс для выстраивания имиджевой политики, так как любой исторический город имеет уникальное лицо, особенный социокультурный облик. Мировой опыт показывает, что именно стратегии продвижения городов становятся стержнем имиджа страны.

Провинциальные города, находящиеся в категории депрессивных, зачастую не имеют актуальных положительных поводов заявить о себе. Обычно известность таких территорий сомнительна – криминальными событиями, паранаучными явлениями (русалки, инопланетяне и пр.), первым местом в рейтинге чего-то худшего. Наша задача – создавать как можно

больше положительных поводов для распространения позитивного имиджа о том месте, где мы живем:

1. разработать концепцию позиционирования территории;
2. укреплять идентичность граждан, актуализируя историческую память места, привлекая внимание к символическому капиталу, историческим датам и лицам, достижениям региона;
3. активизировать деятельность культурных центров территории (организация событийных мероприятий – конференций, выставок, форумов – с привлечением деятелей культуры различного уровня);
4. простимулировать региональное медиа-пространство на продвижение перспективных идей развития территории. значимые события города или региона должны выйти из информационного кокона;
5. развивать туризм различных видов: деловой, сельский, культурный, спортивный и пр.;
6. вовлекать местное сообщество в решение вопросов имиджевого процесса.

Несомненно, процесс создания имиджа места – дело не одного события, и нельзя утверждать, что личностный капитал самодостаточен в деле продвижения территории, однако с его помощью можно обогатить любую стратегическую программу развития города или области в целом.

Использованные источники:

1. Василенко, И. А. Современный имидж российских регионов: проблемы формирования [Электронный ресурс] / И. А. Василенко // Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17323-sovremennyy-imidzh-rossiyskih-regionov-problemy-formirovaniya.html>
2. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.

«Как я стал социалистом»: из воспоминаний Кузьмы Александровича Югова (написаны в 1950–1951 гг.)

*Васильева Татьяна Владимировна,
заведующая отделом «Музей истории г. Кургана»,
филиала ГБУ «Курганский областной краеведческий музей»*

Мое выступление основано на воспоминаниях Кузьмы Александровича Югова, отца Алексея Кузьмича Югова, написанных им в 1950–1951 гг. Для своего времени Кузьма Александрович был очень образованным, грамотным, юридически подкованным человеком. Знание законов того времени помогало ему не только решать личные проблемы – как, например, в воспоминаниях: «Нападение на меня земского начальника, как месть по делу о мельнице», или: «Последний акт мести со стороны Земского начальника и наше с ним примирение», или: «Папулов, сосед-мельник, принимает коварные меры, чтобы уничтожить мою мельницу», – но и отстаивать интересы других людей в борьбе за справедливость. Что в конечном итоге привело к тому, что, как писал сам Кузьма Александрович, – «я стал социалистом». Кроме того, из его воспоминаний мы узнаем некоторые подробности обще-

ния между собой предпринимателей и просто жителей города Кургана в начале XX века, что всегда вызывает большой интерес.

«Как я стал социалистом»

Я из Шадринской земской библиотеки бесплатно по земской почте получал книги и по прочтении их возвращал.

Постепенно характер книг менялся; иногда попадались между листами вырезки из газет, даже брошюры и прокламации революционного характера. Все это я с увлечением прочитывал и никому не показывал их.

Перебравшись на службу к покойному тестю Григорию Павловичу Саламатову, я, читая разные журналы и газеты, стал ярым революционером. Он выписывал левые газеты и журналы и брал, как я уже говорил, много книг у Смирновой Екатерины Серафимовны.

Будучи подготовленным к революционной деятельности, я завел знакомство, на новой работе, с товарищами из лагеря социалистов. Получал от них революционную литературу и распространял ее среди надежной молодежи, как между крестьянами, так и между учительницами и интеллигенцией. Взамен за литературу я давал товарищам чистые паспортные бланки.

Такая работка (снабжение паспортами и распространение политической литературы) мною продолжалась все время, как во время моей службы волостным писарем, так и после оставления таковой. В последнем случае я доставал паспортные бланки от волостных писарей, сочувствующих революционному движению. Когда я служил волостным писарем в Каминской, то, давая чистые бланки, я легонько писал на них карандашом, из какой волости и деревни и какой фамилии, имени и отчества крестьянин. Из паспортной книги я эти сведения брал о тех крестьянах, кои получали ранее паспорта и находились в настоящее время в отлучке. Часто из разных мест спрашивали волость о том, есть ли такой-то крестьянин. Волость отвечала: «Есть, но он в отлучке».

Однажды после такой справки в волость привезли под охраной полиции арестанта, по паспорту значащегося крестьянином из деревни Черкасовой, – для опознания народом. Это тип чисто еврейской нации, с акцентом. Черный, с вьющимися волосами и вьющейся бородой. Оставили его в волости для отправки в Черкасову, отстоящую в 25 верстах от волости; его заперли в арестантскую и держали двое суток. Антонина Григорьевна послала арестанту сытные завтраки и напекла сухарей. Мы договорились с арестантом о его побеге. Во время перевозки его для «опознания» в Черкасову он должен вблизи густого леса попроситься для «оправки», а потом, отойдя немного, сразу кинуться в лес и скрыться, не страшась холостых выстрелов из берданки.

На третий день снаряжена подвода, и арестанта, в сопровождении двух конвойных, вооруженных берданкой, повезли в Черкасову. Арестант, дождавшись густого леса, попросил стражу остановиться, что он нуждается в «оправке». Остановились, и арестант, сходя с телеги, захватил маленький мешочек с сухарями и мигом кинулся в лес, – по нему сделали два выстрела из берданки, но «пули» не настигли беглеца, – он скрылся.

О случившемся донесли становому приставу, тот произвел дознание и, позавтракав у меня, уехал. Беглец скрылся, имея в кармане паспорт на имя крестьянина из села Бугрового, несколько лет выбывшего из своего села.

Жандармы всегда осведомлялись «о моем здоровье» – где бы я ни служил, – опрашивая крестьян тех селений, где я бывал по делам служебным и по своим личным хозяйственным надобностям. При свидании с крестьянами на мельнице или при расчетах за молоко, на их вопросы, как идет война с Японией, – я всегда объяснял, что эта война ведется в интересах царствующей династии, что как лично Государь, так и великие князья, в занятой насильно Корее, ведут на реке Ялу лесные заготовки с коммерческими целями; что войной руководят бездарные генералы и армия наша, плохо вооруженная и плохо управляемая, терпит поражение за поражением. Что эту войну надо прекратить и как можно скорее; и, если будет еще мобилизация, то не следует давать солдат, а потребовать смены негодного правительства и о созыве народного собрания, которое должно взять власть в свои руки и отстранить царя, избравши президента, как, например, во Франции.

Окончание войны и начало революции

Японцы заняли Порт-Артур, разбив нашу армию, и вытеснили ее с территории Манчжурии. Начались в стране восстания рабочих и крестьян. Правительство поспешило заключить с японцами мирный договор, отдавши им в виде контрибуции южную половину Сахалина.

Волна народного движения против правительства докатилась и до нашего Кургана. В Доме инвалидов «Трудись и молись» состоялся первый митинг. Присутствовали на нем забастовавшие рабочие местных предприятий: мельницы Смолина и Бакинова и других мелких кустарных заводов. Было много посторонней публики. Из многих ораторов особенно отличался один товарищ в костюме рабочего, который призывал рабочих сейчас же занять мельницы Смолина и Бакинова и, отстранивши хозяев, назначить из своей среды заведующих. Выступал и я. Мое выступление было обращено к присутствующим на митинге хозяевам мельниц и заводов и заключалось в призыве отдать свои предприятия в народные руки добровольно, не оказывая никакого сопротивления; что все равно придется это сделать, если не сейчас, то после. Я, например, лично отдам в народные руки все свое имущество: торговлю, маслодельные заводы, мельницу и скот. Явилась полиция с солдатами, и митинг был разогнан. Оратор и многие выскочили в окна, в числе их выскочил и я.

На другой день собрался митинг на площади, куда в повозке приехали и мы с Антониной Григорьевной. Ораторы произносили речи, стоя на телеге. Раздается крик: «Солдаты!» Все заволновались, а солдаты стали окружать митингующих, захватывая всех в кольцо. Один из командиров подошел к нашей повозке, заглянул в нее, спросил кучера: «Чья это повозка?». Получивши ответ – успокоился. Командир солдатской части подошел к окруженным и потребовал разойтись. Все подчинились и разошлись. Никто арестован не был.

Вскоре последовал царский Манифест, даровавший народу свободу, и право на создание законодательного учреждения под названием «Государственная Дума»».

